

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ
БАШМАКИ
НА
ФЛАГАХ

Тут
и к Визитора

Путь инквизитора

Борис Конофальский

Башмаки на флагах

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конофальский Б.

Башмаки на флагах / Б. Конофальский — «Издательство АСТ»,
2023 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-155281-7

Тяжело выступать против хорошо вооруженного и обученного войска, но еще тяжелее делать это, если твое командование играет против тебя и вместо помощи тебе достаются только проблемы, а твои полки не глядя бросают на самые безнадежные участки. Ярослав Волков не из тех, кто сдается, но возложенная на него миссия оказывается слишком тяжела даже для него.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155281-7

© Конофальский Б., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Борис Конофальский

Башмаки на флагах

© Конофальский Б., 2023

© ООО "Издательство «АСТ», 2023

Глава 1

На следующий день он решил, что поедет с Брюнхвальдом и Рене, выберет место под лагерь. Нашли хороший пустырь у реки, чуть выше по течению, чем Лейдениц, как раз на дороге к Эвельрату. Там и к реке доступ, и непролазные заросли для костров вдоль берега, и места для нужников. К тому же мужики, хозяева тех дебрей, были нежадны.

Рене был назначен комендантом лагеря и с тридцатью людьми остался ставить первые палатки. Окапывать и возводить частокол нужды не имелось – чай, чужих войск нет. На обратном пути пришлось переждать резкий ветер и ледяной дождь, но на молчаливый вопрос капитан-лейтенанта, на кой черт городить городулины и строить лагерь за рекой, да еще хоть и немного, но платить за дурную землю, если своей дурной земли мерить не перемерить, Волков так и не ответил.

Зато на пристани кавалер встретил своего купца-шпиона Гевельдаса, который оказался очень кстати. Они остановились и долго говорили наедине. Волков никого не подпускал к себе: ни Максимилиана, ни племянника Бруно, хотя тот и ждал своей очереди поговорить.

Затем купец Гевельдас поехал с Волковым к нему домой, где они, позвав умного попа брата Семиона, уселись втроем за стол и стали писать во множестве векселя-расписки на крупные суммы денег от имени кавалера полковника господина фон Эшбахта. Тех расписок вышло много. Бумаги были разного достоинства, от двадцати талеров славной земли Ребенрее до ста монет. И лишь после этого они звали к себе ждавшего распоряжений капитан-лейтенанта Брюнхвальда, которому Волков все объяснил:

– Денег я вам, Карл, не дам. Вот расписки и векселя на мое имя, платите ими. Старайтесь расплачиваться этими векселями во Фринланде.

– А будут ли купчишки из Фринланда брать ваши векселя?

– Так вы сделайте так, чтобы брали. Вот и господин негоциант Гевельдас тому способствовать будет. И говорите, что до мая все векселя окажутся погашены или товары возвратят – на то я даю свое рыцарское слово.

– Ясно, – соглашался Брюнхвальд. Ему все равно, он будет делать так, как ему скажет Волков, за это тот его и ценит.

– Телеги и палатки можете покупать, с лошадьми не торопитесь: нет смысла их сейчас кормить, если понадобятся они лишь к апрелю. Бобы, соль, сало тоже приобретите. Думаю, если Бертье и его сержанты расстараятся, скоро уже начнут приходить в лагерь люди. Их-то кормить придется. Сильно не торгуйтесь, купчишки жадничать будут, так вы уступайте, авось бумагами платим, а не серебром.

– Но после же все одно – придется платить серебром, – заметил капитан-лейтенант.

– Так то после будет, – беззаботно отвечал кавалер. – Придет время, и если жив буду, так рассчитаюсь, авось не вор.

Так дело и пошло. Ни в чем этому его делу препятствий не было. Во Фринланде, Ланне и Малене нашлись люди, готовые воевать. Уже пару лет те места империи жили без войны, и добрых людей, которые готовы были взяться за железо, оказалось предостаточно. Два опытных офицера так и вовсе пришли наниматься из Вильбурга, не сыскав для себя работы у курфюрста Ребенрее.

И старый его знакомец из Ламбрии, Стефано Джентиле, объявился – ушел было недалеко на юг, а как услышал, что Волков собирает войско, поговорил с корпоралами роты, и они вместе решили вернуться на север, чтобы еще раз встать под бело-голубое знамя кавалера. Однако Волков их брать не спешил. Конечно, хорошие арбалетчики всегда нужны, но, во-первых, кавалер хотел довести количество своих стрелков, стрелков с огненным боем, до трех сотен – свои всяко лучше наемных, а во-вторых, он хотел уменьшить сумму найма ламбрий-

цев. Те из спеси своей, гордыни и жадности просили пять талеров на человека в месяц – меры совсем не знали. Поэтому пока кавалер дозволил ламбрийцам жить в лагере на его харчах, но контракта им не обещал, говорил, что подумает.

Дел стало у него так много, что уходил он на заре, едва поев, и приезжал к ночи. Много времени отнимали у него купцы: все, все хотели от него личных обещаний, что по векселям расплатится. Волков встречался со всеми, никому не отказывал и всякий раз повторял, что обязательно по векселям платить будет, что до мая расплатится. Клялся в том на Писании, и ему верили. А как не поверить: Божий рыцарь на святой книге поклялся. И купчишки везли Карлу Брюнхвальду все что нужно. И недели не прошло, как в лагере за рекой раскинулись палатки во множестве. Появились над кострами огромные двадцативедерные чаны, в которых крепкие повара кипятили воду, варили бобы или горох. Вдоль дорог выстраивались ровные ряды крепких обозных телег. С утра над рекой разносился медный звон, трубачи играли побудку, после били барабаны. И больше трех сотен уже набранных людей вместе с новыми офицерами и новыми сержантами занимались с утра построениями, делились на роты, знакомились.

Как-то поутру вышел Волков, а веселый Бертье болтает с Увальнем. Доложил кавалеру, что вчера вечером привел в лагерь еще тридцать шесть очень хороших людей и пришел за деньгами для новых контрактов.

Волков денег ему отсчитал, и они сели было завтракать, как вдруг наверху, там, где были покои жены, графини и матери Амелии, послышались крики, началась странная суета. Когда удивленный кавалер просил Увальня узнать, что там происходит, думая, что бабы снова затеяли свару с руганью, так посыльного наверх даже не пустили, монахиня гнала его обратно, сказав, что мужчинам нельзя туда. Тогда кавалер остановил девку-служанку с тазом горячей воды, бежавшую наверх, и требовал от нее сказать, что случилось, на что та радостно сообщила:

– Графиня протекла, рожать надумала.

Волков и опешил. Ждал, готовился к тому, а тут раз – и все равно неожиданно вышло. Впрочем, как и обещала мать Амелия, и двух недель с того их разговора не минуло. Ему поначалу даже есть расхотелось, а Бертье, радостно поедая фасоль с мучной подливой на говяжьем бульоне, уже стал его поздравлять. Волков ответил зло, чтобы не каркал раньше времени. Бертье с ним согласился и, видя, что хозяин сильно волнуется, забрал с собой кусок сырного пирога и ушел, сказав, что расскажет всем о новости.

А кавалер действительно есть не мог. Когда с ним такое только было? Да никогда, разве что из-за болезни такое приключалось, а тут – ну не лезет в горло кусок, и все. Хотя самый сильный аппетит у него, как и у всех, кто служил в солдатах, был всегда с утра. Кавалер приказал нести себе вина. Ничего, что утро.

Он так и пил. Сидел и пил вдвоем с Александром по прозвищу Увальень, глядя, как девки носят и носят наверх тазы с горячей водой, полотенца, простыни...

– Ну что там? – спрашивал у них Волков время от времени, вертя в руке опустевший бокал.

– Рожает, господин, еще не разродилась, – отвечали девки одно и то же.

И тут одна из бегавших девок перегнулась через перила, крикнула:

– Господин, разрешилась графиня! У вас племянник!

«Племянник? Да-да, конечно, племянник! Кто же еще!»

Он так и сидел в нерешительности. А сверху, сквозь другие звуки, разговоры и шумы, донесся детский плач – обиженный, недовольный. Но никак не испуганный. Нет, совсем не испуганный.

– Спроси у монахини, можно мне его видеть? – наконец вымолвил Волков.

– Можно-можно, – говорила мать Амелия, спускаясь по лестнице. – Графиня сейчас спустится.

– Спустится? С ней все в порядке?

– А чего ей будет, кобылице-то. Видно, в вашу породу пошла: крепка, как и вы. Я таких крепких не видала за всю жизнь. Уже встала, слуг ругает.

И вправду, кавалер увидел, как по лестнице спускается девка дворовая, за ней Бригитт, а уже за ней сама Брунхильда. Идет осторожно, под ноги на ступеньки смотрит и несет в руках сверточек.

– За попом послали? – кричит монахиня.

– Ой, сейчас пошлю, – всполошилась Бригитт. – Эй, Анна, беги найди отца Семиона, он либо в церкви, либо в кабаке.

А с кухни выбежали все: и Мария, и мужики с конюшни. И Максимилиан приехал, и Увалень, и Ёган в грязных сапогах следит в чистой зале – все хотят видеть новорожденного.

А Брунхильда подходит к Волкову, показывает ему младенца. Волков замирает поначалу, а она и говорит, многозначительно глядя кавалеру в глаза:

– Вот, братец, кровь ваша.

– Дозвольте взять, – просит он, отводя глаза от нее и глядя на младенца.

Она передает ему мальчика, страшенького, темного лицом, кажется, едва живого. Он показался кавалеру очень легким.

– Мелок он. Невесом совсем, – заметил Волков.

Лучше бы такого он не говорил: глаза графини вспыхнули гневом, того и гляди кавалер схлопочет оплеуху сестринскую, как уже бывало некогда.

– Нет, – говорит монахиня, – совсем не мелок: то ваша порода, не Маленов. Малены невелики, а он велик. Как графиня родила его так легко – диву даюсь.

– Дайте сюда! – победным тоном требует Брунхильда после слов монахини.

Но Волков не отдает.

– Нет, еще поддержку. – Бережно держа ребенка, он садится в кресло. – Ему надобно теперь и имя придумать.

– Все уже придумано и согласовано с домом Маленов, с семейной книгой, – говорит графиня. – В честь деда его первое имя будет Георг, в честь дяди, славного воина, – Иероним. Итак, сын мой будет зваться Георг Иероним Мален фон Грюнфельд.

– Георг Иероним Мален фон Грюнфельд, – повторил Волков, глядя на младенца. – Да, пусть так и будет. Пусть так и будет.

– Надеюсь, – негромко, но с претензией продолжала Брунхильда так, что, кажется, один Волков ее слышал, – имя это будет не пустое. Надеюсь, что к своему имени мой сын и поместье получит.

– Обязательно получит, – так же тихо уверил Волков. – Какой же он Грюнфельд, коли у него поместья не будет. – И, уже вставая из кресла, он поднял ребенка повыше и сказал громко: – В честь племянника моего – вина! Всем вина, слугам вина. Мария, госпожа Ланге, велите резать свиней и кур, хочу большой пир.

Он обещал Брунхильде, что «племянник» будет иметь свой удел. Но это был как раз тот случай, когда легко только обещать. На самом же деле, даже имея на руках брачный контракт и вдовый ценз, оформленные по всем правилам, для вступления во владение поместьем Грюнфельде нужно было согласие графа. Или хороший отряд солдат. Но Волкову не хотелось опять и опять решать все силой. Его и так не любили местные дворяне, это было ясно, усугублять эту нелюбовь очередной грубостью не стоит. Поэтому следующим утром кавалер позвал к себе Максимилиана.

– Возьмите с собой двух хороших людей, фон Клаузевица и еще кого-нибудь, и езжайте к графу в Малендорф. Скажите, что я прошу его о встрече. Хочу увидаться с ним на границе наших владений, в том месте, где в прошлый раз встречались для решения важного дела. Едете с визитом официальным, так что возьмите с собой малый флаг мой.

Максимилиан понимающе кивал.

– А согласится ли граф выслушать меня, примет ли?

– Думаю, что уже донесли ему, что я собираю солдат во Фринланде. Также думаю, что не захочет он увидеть тех солдат под стенами своего Малендорфа. Поэтому примет и выслушает. Вы же говорите с ним без грубости, но с достоинством. Помните, вы под знаменем моим и представляете меня.

– Да, кавалер.

Не успел Максимилиан уехать, так наверху опять шум, опять ругань. Новоиспеченная мамаша бранила кормилицу за неопрятность и госпожу Ланге за жадность. Потом, шумная и раздраженная, спустилась на первый этаж и без обиняков заявила кавалеру:

– Мне надобны деньги. Платьев у меня новых нет, рубахи хуже, чем у черни, башмаки все так стары, что их даже прислуга не ворует. Дайте мне, братец, денег, хоть чуть-чуть. – Волков даже не успел спросить, сколько это «чуть-чуть» в талерах, как госпожа графиня уточнила: – Дайте хоть талеров триста.

«Чуть-чуть – это триста монет?!» Но спорить кавалер не стал – графиня путь прошла тяжелый, и отличный мальчик-крепыш дался ей нелегко. Единственное, он дал ей десять гульденов, что равнялось всего двумстам семидесяти – двумстам восьмидесяти талерам, в зависимости от курса у менял.

Брунхильда сразу схватила деньги цепкой рукой, уж в этом она совсем не поменялась, и тут же велела запрягать свою карету, сказав Волкову:

– Еще думаю себе служанку в городе нанять, местные ваши девки все дуры да деревенщины, мне они не подходят.

«Ну уж нет, обойдешься местными».

– Даже не думайте, я городских оплачивать не буду, найдите себе посмышленнее из местных, – не согласился Волков.

Графиня лишь скривилась и, оставив чадо на монахиню и кормилицу, укатила в город за покупками.

В то же утро приехал Иоахим Гренер и был очень, очень рад услышать от Волкова, что тот предлагает ему чин кавалерийского капитана и, соответственно, капитанское содержание и капитанскую долю в добыче, коли та будет.

– Друг мой, дорогой мой сосед, уже и не знаю, как вас благодарить.

– Полно вам, – отмахивался кавалер.

– Да как же «полно», когда сие честь для меня, истинное счастье – к старости получить такой чин от настоящего полковника его императорского величества. Кстати, позвольте поздравить вас с чином, господин полковник, – говорил старик, едва сдерживая слезы.

– Хорошо, хорошо, – кивал Волков, – спасибо вам, друг мой, но давайте уже поговорим о делах.

– Конечно, конечно, господин полковник, давайте.

– Надобно мне, дорогой сосед, набрать эскадрон кавалерии, не рыцарской стати, пусть всадники будут полегче, но при хорошем доспехе, на то выделю денег. Еще дам вам свой выезд, всех, даже фон Клаузевица.

– Господин фон Клаузевиц добрый рыцарь, – согласился Гренер.

– Вот и возьмите его себе лейтенантом, деньги я вам выдам. Деньги дам хорошие – по пятнадцать монет на человека в месяц.

– Отличное содержание, на такие деньги мы без труда найдем хороших людей.

– Но!.. – Волков поднял палец в качестве предупреждения.

– Да, кавалер? – Гренер слушал его со всем вниманием.

– В эскадроне не должно быть никаких благородных господ, никаких гербов и флагов, флаг и цвета только мои. И чтобы каждый кавалерист знал, что я не допущу и намека на неповиновение или самоуправство.

Гренер отлично понимал, о чем говорит Волков.

– Именно так и сделаю, господин полковник. В эскадроне будут полная строгость и дисциплина. Я за тем прослежу.

– Абсолютная дисциплина! – повторил Волков. – И доведите до сведения набираемых людей, что я не погнушаюсь при надобности скрестить оглобли, даже если кто-то будет из благородных.

– Доведу до сведения всех, что за неповиновение или ослушание вы будете вешать.

– Мы будем вешать, мы, дорогой сосед, – уточнил Волков.

– Да-да, мы будем вешать, господин полковник, – исправился капитан Гренер.

Глава 2

А тем временем уже пора было собираться в дорогу в Нойнсбург, на военный совет к маршалу фон Боку. Наум Коэн говорил, что через две недели Волкову нужно быть на военном совете, неделя-то уже прошла, а до Нойнсбурга путь неблизкий – город сей от Ланна почти в полутора днях езды, то есть от Эшбахта почти пять суток пути.

Вечером кавалер собрал офицеров, чтобы решить, кого из них взять на совет. Конечно, не хотел он оставлять новый лагерь без Карла Брюнхвальда, но все-таки своего капитан-лейтенанта решил взять с собой, главным в лагере назначил капитана Рене, отрядив ему в помощь нанятых офицеров. Роху и кавалериста Гренера тоже взял с собой. А Бертье оставил, тем более что ехать тому не хотелось, уж больно он увлекся наймом солдат, в чем преуспевал. Также Волков собирался взять с собой выезд.

Бригитт слушала разговоры о приготовлениях к поездке внимательно и, дождавшись кавалера вечером в постели, поправляя ему волосы, рассеянно и мимолетно-задумчиво сказала:

– Господин, вы заросли, надобно вам подстричься перед поездкой.

– Вы правы, вы, как всегда, правы, – согласился он, целуя ее запястье.

– А возьмите меня с собой, – вдруг попросила красавица, – карета у меня есть, конюх есть, служанку возьму да и поеду с вами.

Волков устался на нее не то удивленно, не то обрадованно. А госпожа Ланге продолжала, глядя на него и опять трогая его волосы:

– Надоели мне эти дуры, видеть их, слышать их больше не могу. И раньше-то дом был шумным, а как графиня приехала, так житья в нем совсем не стало.

Он молчал, думая о поездке с Бригитт в Нойнсбург, представляя ее себе.

– Я хоть Ланн посмотрю, а то я кроме Малена других городов и не видала, разве что в Вильбурге в детстве была.

Кто, как не она, заслуживала всего, о чем просила. Не будь Бригитт мелочна и зла, мстительна, хитра и подла по отношению к Брунхильде и Элеоноре Августе, то ему и упрекнуть-то ее стало бы не в чем. И в ведении хозяйства, и в уме, и в своей ненавязчивой ласке, в строгой опрятности и в безупречной красоте – во всем она была хороша. А за бабьи дразги Волков, конечно, упрекать ее не хотел – с этим всем женщины сами пусть разбираются. Единственно, о чем он думать стал, так это о том, что лучше в Ланне ему с ней остановиться в трактире. Почему-то совсем не хотелось вести ее в дом, где хозяйничала Агнес.

Кавалер никак не мог принять решение, взять ее или отговорить от поездки. Может, отговорить на этот раз. После, после как-нибудь возьмет ее в прекрасный город Ланн и, может быть, даже познакомит с архиепископом... Но Бригитт тут вдруг сказала:

– Хорошо бы мне с вами поехать, да не получится ничего.

Волков опять, не говоря ни слова, смотрел на нее, на сей раз удивленно. А она продолжала:

– На кого же я брошу поместье? На нашу госпожу пришибленную, на Ёгана, на Марию или, может, на эту графиню вашу? – Она поцеловала его в щеку и легла на подушки рядом. – Нет, в следующий раз поеду, как вы с войнами своими уговоритесь, так и поеду.

Все-таки Бригитт была редкой умницей. Как будто слышала его мысли, даже самые сокровенные. Он положил руку ей на бедро, на горячее сильное бедро молодой женщины. А она сразу ожила, словно ждала этого, схватила его пальцы и подняла к себе на живот, прижала к себе крепко, а после перевернулась и стала целовать его жарко, обнимать стала. Последнее время она постоянно искала близости, даже когда кавалер к ней не стремился, но Бригитт его прохладность не останавливала, она чуть не требовала от него ласки. Кажется, монахиня была

права – присутствие в доме беременных женщин словно подстегивало госпожу Ланге. А он старался ей не перечить, пусть будет так, как ей хочется.

* * *

Кавалер приехал на встречу с одиннадцатью сопровождающими, а граф не поленился взять с собой аж два десятка человек. Волков уже даже подумывал, не соблазнится ли граф напасть, но Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален, был не из тех, кто действует подобным образом. И они начали разговор, не слезая с коней.

– Рад сообщить вам, что графиня благополучно разрешилась младенцем мужского пола, дорогой родственник, – начал Волков сразу после приветствия. – Графиня велела назвать младенца в честь вашего деда, дать ему имя Георг Иероним Мален фон Грюнфельд.

– Прекрасное имя. Что ж, поздравляю вас, – холодно отвечал граф. Он прекрасно знал, о чем пойдет разговор, и уже приготовил ответы, но ритуалы вежливости нужно было соблюсти. – Надеюсь, графиня во здравии? Впрочем, ясно, что во здравии, ваша порода весьма крепка.

– Благодарю вас, здоровье графини прекрасно, – подтвердил кавалер. – Я, кстати, звал вас, дорогой родственник, чтобы узнать, когда графиня и брат ваш смогут вступить во владение поместьем Грюнефельде, которое принадлежит ей по вдовьему цензу.

– Сие дело вы затеяли напрасно, – так же холодно отвечал Теодор Иоганн, – фамилия не думает, что поместье принадлежит вашей сестре и ее... ребенку.

– Но есть же брачный договор, – напомнил кавалер. Уж в этом он не сомневался, договор был заверен лучшими нотариусами города Малена.

– Фамилия считает, – граф почему-то не говорил «я считаю», – что, когда графиня понесла, батюшка был уже недееспособен. Фамилия считает, что ребенок был зачат неправомерно. А посему ни он, ни графиня не имеют права на удел, что записан во вдовьем цензе.

– Ах вот как? – Волков усмехнулся. – Неправедно? Но почему-то вы заговорили об этом, лишь когда ваш батюшка умер... или был убит подлым способом.

Волков думал, что заденет графа этими словами, вызовет его раздражение, но не вышло. Теодор Иоганн фон Мален оставался все так же холоден и отвечал спокойно:

– Фамилия Мален не признает новорожденного своим родственником, и посему поместье графине не полагается. А коли вы желаете оспаривать поместье, так можете подать дело на рассмотрение суда равных. Благородные члены дворянского собрания графства соберутся и решат, кто прав: фамилия фон Мален или фамилия фон Эшбахт. А коли вас и это не устроит, так можете просить справедливости у нашего сеньора. Думаю, что его высочество Карл Оттон Четвертый, герцог фон Ребенрее, незамедлительно разрешит нашу тяжбу.

Все это граф говорил спокойно, вежливо и даже, кажется, с участием, но в каждом его слове кавалеру слышалась насмешка. Суд равных, суд сеньора! Да, конечно, он мог обратиться туда, но у Волкова не было ни малейшего шанса на решение в свою пользу, мало того, он мог с любого из этих судов угодить прямоком в подвалы к курфюрсту. Да, так как замка в поместье не имелось, он мог по своему самовластию послать туда пять десятков солдат, поставить форт, назначить своего управляющего и собирать с поместья деньги, но с юридической точки зрения это ничего бы не решило, поместье так и входило бы в домен семьи Маленов.

Но первый шаг, который следовало сделать на длинном пути борьбы за поместье, он сделал. Все стало ясно. И поэтому, уже не волнуясь за отношения с новым графом, кавалер сказал:

– Суд равных, суд сеньора... Никуда я обращаться не стану. Но все равно поместье будет принадлежать моей сестре, как и положено по справедливости и по закону.

Вот тут граф уже и не сдержался. Он побледнел и произнес негромко, почти сквозь зубы:

– Не бывать тому.

– Посмотрим, – так же зло ответил ему кавалер и дернул поводья.

* * *

Графиня после родов стала заметно хорошесть. Видно, купленные платья ей были к лицу.

– Ну, что вам сказал граф? – спросила она кавалера, как только он вернулся.

– Сказал, что ребенок ваш несправедливый, – ответил Волков, усаживаясь в кресло.

Даже если это было и так, Брунхильду аж передернуло от возмущения. Слышать ей такое не нравилось, не хотелось.

– Несправедливый! – воскликнула она. – Кто это говорит? Отцеубийца?

На шум вышла госпожа Ланге, остановилась, вникая в разговор. Волков поморщился.

– Успокойтесь, графиня, вы весь дом переполошили. Разве вы ждали другого их ответа?

– Несправедливый, несправедливый! – повторяла Брунхильда в ярости.

– Успокойтесь, говорю вам! – настаивал Волков. – Сядьте, выпейте вина. Госпожа Ланге, распорядитесь о вине для меня и для графини.

– Да как же мне успокоиться?! – Разъяренная графиня не остывала. – Отчего же он так говорит? С чего он взял?

– Он говорит, что граф был стар и уже недееспособен.

– Граф был дееспособен! – закричала Брунхильда. – Хоть и не всегда!

Тут сверху стали спускаться Элеонора Августа и мать Амелия.

– Хорошо, что вы пришли! – воскликнула Брунхильда. Теперь у нее было кому высказывать свое возмущение. – Братец ваш отказался признать моего сына праведным.

– Что? Как? – не понимала сути разговора Элеонора Августа.

– Братец ваш не хочет отдавать мое поместье и поэтому утверждает, что рожденный мной ребенок несправедливый! – кричала Брунхильда, краснея от негодования. – Несправедливый!

– Отчего же он так говорит? – Госпожа фон Эшбахт все еще пыталась удержать ситуацию в рамках приличия.

– Отчего? Скажите ей! – продолжала графиня.

– Граф утверждает, что ваш папенька был недееспособным, когда женился на графине, – нехотя объяснил кавалер, который вовсе не хотел всех домашних, а особенно жену, втягивать в эти дразги.

А вот Брунхильда хотела и поэтому продолжала кричать Элеоноре Августе, словно это она ставила под сомнение ее притязания на поместье:

– Ваш брат откуда знает о брачной состоятельности своего отца? Ниоткуда, он просто не хочет отдавать то, что мне причитается! И это все затеяла сестрица ваша старшая, вздорная старуха Вильгельмина! Старая сумасшедшая ведьма! Отравительница!

А Волков уже махал рукой монахине, чтобы та уводила госпожу в ее покои. Монахиня взяла Элеонору под руку, да та заартачилась, не пошла.

– Не смейте говорить так о моей семье! – воскликнула Элеонора Августа. – Коли не верят вам, так, может, еще и правильно делают!

– Не вам, распутной, судить! – кричала ей в ответ графиня. – Обо мне никто ничего сказать не может, а о ваших похождениях, при живом-то муже, всем известно!

Элеонора Августа зарыдала, и тут уже монахине удалось увести ее наверх, а она шла и приговаривала:

– Ах, за что мне это? Чем я Господа прогневила?

Эти вопросы очень удивили кавалера. При всей этой неприятной ситуации он едва не рассмеялся, такими удивительными и забавными казались все эти женщины.

– Уж больно вы злы, – вдруг вступилась за Элеонору Августу госпожа Ланге, она как раз принесла графин с вином и бокалы. Сама принесла, чтобы прислуга не слушала господские раздоры. – Негоже так на беременную кричать, тем более что она ни в чем не виновата.

– А вам-то кто дал право говорить? – удивлялась Брунхильда. – Уже всякой приبلудной бабенке, которую господин к себе под перину пустил, и тявкать на меня дозволяется?

Брунхильда сидела в конце стола, а Бригитт, как раз наливавшая ей из графина... дернула рукой, и несколько капель красного вина полетели на недавно купленное очень красивое платье графини. Ни Волков, ни тем более Брунхильда ни секунды не сомневались, что госпожа Ланге сделала это специально.

– Ах ты... – только и вымолвила Брунхильда, вскочив с места и разглядывая пятна на новом платье. – Ах ты, подлость рыжая, ах ты, дочь шлюхи... – Она стала проворно выходить из-за стола. Графиня была чуть выше, к тому же значительно сильнее Бригитт и собиралась этим, кажется, воспользоваться, она чуть не рукава узкие на платье засучивала. – Ах ты, шалава рыжая... Пригелась тут... Прижилась! Девка трактирная...

А Бригитт совсем ее не боялась. Она раскраснелась от оскорблений и никуда не уходила, не убегала.

– Хватит! Молчать всем! – заорал кавалер и своим рыцарским кулаком ударил по столу. – Хватит! Не уgomонитесь, так велю держать вас в амбаре в холодном, пока не успокоитесь. Устал я уже от ваших склок!

– Господин мой, но разве вы не слышали... – начала госпожа Ланге.

– Я велел молчать! – Он снова ударил по столу кулаком. – Молчать!

Госпожа Ланге обиженно поджала губы, госпожа графиня тоже стояла тихо, не отваживались его послушаться. Вот только надолго ли их послушания хватит? Он закрыл глаза и стал тереть их рукой, словно прогоняя наваждение. «Быстрее бы уже на войну. Хоть на какую-нибудь. Там спокойнее будет».

Не дожидаясь обеда, хотя кавалер и хотел уже есть, он уехал из дома. Опять дули юго-восточные теплые ветра. Середина февраля, скоро уже весна. На дорогах корка льда, залитая водой, шаг в сторону – глина оттаявшая. Волков, взяв с собой одного Увальня, поехал сначала на пристань, где узнал от мужиков с пришвартованной баржи, что весь уголь уже перевезли и последние телеги только что ушли в город. Значит, успели все перевезти до распутицы. А вот тес и доски господин Гевельдас начнет возить со следующей недели, так что, пока дороги не просохнут, доскам придется лежать под навесом. Ну, хоть уголь успели перевезти. Надо было узнать у племянника, как в городе идут дела с его продажей.

Кавалер заехал к сестре, но дворовый мужик сказал ему, что господин капитан Рене безотлучно сидит в лагере за рекой, а его жена, госпожа Рене, забрала младшую дочь и уехала в Мален навестить свою замужнюю старшую дочь.

Никого он не мог застать дома: все его офицеры либо были в лагере, либо занимались делами. День уже клонился к закату, и самому ему в лагерь ехать не хотелось, ну не ночевать же там. Пришлось отправиться домой, к своим прекрасным женщинам.

Там его, конечно, встретила Бригитт. Как всегда, опрятная и в добром расположении духа, она сразу подала кавалеру воды помыться и стала накрывать на стол, приговаривая:

– Кажется, к ужину никого не будет. Госпожа фон Эшбахт и госпожа фон Мален просили подавать им в покои. Может, лишь мать Амелия придет.

Так и получилось, за ужином они были за столом втроем, и разговор вышел весьма приятный. А когда ужин закончился, спустился паж графини и с поклоном сказал:

– Если господину будет угодно поцеловать племянника перед сном, как раз самое тому время. Вскоре кормилица его заберет к себе.

Первый раз Брунхильда звала его к «племяннику». Конечно, был в этом какой-то подвох, но, как ни странно, кавалеру захотелось увидеть «племянника», захотелось взять его на руки и даже покачать.

– Скажите графине, что перед сном я зайду к ней, – ответил Волков пажу достаточно холодно: с определенного времени пажа он не любил.

Когда стали убирать со стола, кавалер допил вино и пошел наверх, там по-хозяйски, не стучась, отворил дверь в покои графини – и обомлел. Брунхильда ни румяна не смыла, ни прическу не распустила, но была лишь в нижней рубашке. И рубашка та оказалась настолько тонка и прозрачна, что не оставляла места никакой фантазии. Молодая женщина сидела у зеркала практически голой: и спину, и зад, и темные соски сквозь рубаху видно. И это при том, что на ее же кровати развалился мальчишка паж и смотрит на кавалера. Волкову очень захотелось дать сопляку оплеуху. А может, и графине. Но он только с каменным лицом указал пажу на дверь. Тот тут же вскочил и покинул покои, а графиня как ни в чем не бывало встала и, ничуть не стесняясь того, что все тело ее можно рассмотреть даже при тусклой свече, подошла к колыбели и взяла оттуда младенца.

– Племянник ваш на удивление спокоен. Монахиня говорит, что сие редкость для крупных мальчиков.

Волков взял у нее младенца, и тут же все его раздражение и недовольство точно растаяли, и следа от них не осталось. Он прижал к себе младенца и сел на кровать графини, разглядывая довольное лицо малыша. Графиня устроилась рядом, заботливо поправляя ребенку пеленки и невзначай почти голой ногою касаясь ноги кавалера.

Тут как раз в дверь постучали. Послышался голос:

– Госпожа, это я, Гертруда.

– Да, – ответила графиня, – входи, – и пояснила Волкову: – Это кормилица.

Пришла опрятная баба из местных крепостных.

– Можно забрать ребеночка?

– Да. – Брунхильда довольно бесцеремонно отобрала младенца у кавалера, встала и, поцеловав мальчика, передала его бабе. – Будет шуметь излишне, так меня позови. – Выпроводив кормилицу, заперла за ней дверь, затем подошла к сидевшему на кровати кавалеру и сказала: – Уже давно о том думаю. – Она наклонилась к нему и поцеловала в губы. Сама была горячая, страстная, навалилась на него, повалила на кровать и, не отрывая своих губ от его, рукою опытной женщины стала искать то, что ей было нужно. На секунду оторвалась. – Ну что, мила я вам еще, господин мой, не скучали вы по мне?

Он ничего ей не ответил, церемониться с ней кавалер и не думал: скинул ее с себя, так что у нее вся прическа рассыпалась, перевернул графиню на спину, задрал ей невесомый подол да раздвинул ей ноги так широко, как только она могла вынести. Нет, он ее не забывал.

Уже после стал он надевать свои панталоны, а она лежала на спине, все еще не прикрывшись ни периной, ни даже прозрачной своей рубахой, и говорила:

– Что, к рыжей своей шалаве идете?

Он промолчал.

– К чему вам? Оставайтесь тут спать. Она и одна переночует. Или у вас и на нее еще прыти хватит?

И тут Волкову подумалось, что графиня в подлости своей и не скучала по нему вовсе, а заманила его сюда и отдалась ему, только лишь чтобы насолить Бригитт. И чтобы совсем ей нос утереть, хочет оставить его у себя в спальне до утра.

– Нет, – сказал он, – пойду спать к себе.

А графиня подперла голову рукой и, улыбаясь, говорила:

– Коли не пустит вас, так возвращайтесь, я приму, я не гордая.

Теперь у Волкова сомнений не было: она специально его сюда позвала, чтобы рассорить с госпожой Ланге. Видно, в отместку за платье.

А Бригитт сидела у зеркала, расчесывала волосы. Когда господин пришел, даже не повернулась к нему.

Он сел на кровать, снял туфли, и тут Бригитт сказала:

– Слухи ходили, что госпоже графине вы не брат. Думала, то глупости.

Он ничего ей не ответил. Неужели она под дверью графини стояла и слышала, чем они занимались?

– Думаю, мне ласки от вас сегодня ждать не нужно, – произнесла она, ложась в постель.

– Нет, – сказал Волков. – Устал сегодня.

– Что ж, спокойной ночи, – попрощалась она, поворачиваясь к нему спиной.

– Спокойной ночи, моя дорогая, – отвечал он, а сам положил руку ей на зад.

Бригитт зло скинула его руку, но промолчала.

Волков вздохнул. «Быстрее бы уже на войну».

Глава 3

Думал он недолго. Здоровье его со временем лучше не становилось. Боль в ноге отпускала, лишь когда Волков в кресле у камина сидел, а уж за пять дней в седле ногу ему вывернет так, что потом на нее наступить целый день будет невозможно. Поэтому коня он, конечно, взял, даже двух хороших коней, но поехал в роскошной карете Бригитт. Хотел монаха, брата Ипполита, с собой захватить, да передумал. Мало ли что с младенцем приключится или с беременной женой, пусть лучше хороший лекарь при них останется. Поехал с офицерами и ближним выездом: Максимилианом, Увальнем, фон Клаузевицем и молодым Гренером, – и еще взял полдюжины проворных солдат из людей Бертье.

Даже сравнивать нельзя путешествие в карете и верхом. В карете Волков все время спал, а когда высыпался, то ел да смотрел в окно. Но карета, что ни говори, едет медленнее верхового, даже пусть в нее и впряжена четверка хороших коней. В общем, чтобы не опоздать к намеченному сроку и успеть на военный совет, в Ланн не заезжали, а, проехав мимо него вечером, отправились дальше на северо-восток – к Нойнсбургу.

Все бы ничего, но чувствовал Волков беспокойство. Конечно, из-за дел домашних. Оставил трех женщин дома, и женщины те все были друг на друга злы. И в этой злобе даже редкая разумность госпожи Ланге меркла, застилаемая ее неприязнью к графине. Графиня повадками своими была чересчур резка и требовательна. И даже, казалось бы, непримиримые в своей неприязни друг к другу Бригитт и Элеонора Августа примирились, чтобы вместе не любить Брунхильду. Уезжая, он долго говорил с Бригитт о делах поместья и особенно о том, что «племянник» ему очень дорог и чтобы Бригитт не смела ничего делать назло графине. И конечно же, она, склоняясь в низком реверансе, это ему обещала. Но, зная ее подлый и упрямый характер, кавалер не верил ни единому слову. И поэтому он еще поговорил с монахиней, просил ее, чтобы она хранила мир в доме и пресекала распри. Мать Амелия его выслушала с лицом весьма недовольным и сказала:

– Уж как получится. Но я по монастырю вам скажу, господин, что даже в монастыре, где есть непререкаемый авторитет аббатисы, бабы склоки нескончаемы. А уж тут...

– Пресекай распри, мать, и следи, чтобы у моей жены все было в порядке.

– Молитесь, господин, – лишь отвечала монахиня.

Он и молился... когда не забывал.

Хотел приехать в Нойнсбург накануне совета, а прибыл ровно в нужный день. Крепкий то был городишко. Не Ланн, конечно, и не Вильбург, даже меньше Малена, но уж стены, глубокие рвы с водой, ворота, мосты и новомодные бастионы – все в нем было новое и крепкое, все говорило о том, что этот город готов увидеть под своими стенами врагов. И это немудрено: еще день пути на северо-восток – и начинались земли еретических князей Экссонских, князей, что были богаче императора.

Хорошо, что совет оказался назначен на послеобеденное время. Волков надел самую дорогую свою шубу, дорогой колет глубокого синего цвета, берет черного бархата, серебряную цепь с гербом курфюрста Ребенрее, что тот ему жаловал за дело в Хоккенхайме. Перчатки черной замши и черные мягкие сапоги завершали его костюм. Так и приехал он к малому городскому замку на улице Жестянщиков, где и проходил совет.

– Как прикажете доложить о вас? – спросил их сержант-привратник.

Максимилиан уже хотел кричать: «Рыцарь Божий Иероним Фолькоф...» – и так далее по списку, но Волков остановил его жестом и сам сказал:

– Доложи, что приехал полковник Фолькоф.

И минуты не прошло, как ворота замка раскрылись. Кавалер со всеми своими офицерами въехал на небольшой двор, где из-за оседланных лошадей уже почти не было места. Прибывших тут же звали внутрь замка.

В большой приемной зале уже собралось не менее двадцати человек. Одного взгляда на них кавалеру хватило, чтобы понять, что это все люд военный. Волкова, Брюнхвальда, Роху и всех молодых господ из выезда, что были с ним, никто никому не представлял. Здесь все проходило по-военному, без церемоний. Просто когда они входили в залу, люди им молча кланялись и Волков с сопровождающими в ответ молча кланялись всем.

И тут послышался высокий, совсем не старческий голос, который кавалер сразу узнал. По паркету залы чуть шаркающей походкой шел высокий, худой, совсем седой старик. Волков помнил его высокий голос, который совершенно не изменился. Это и был маршал фон Бок. Старик сразу приблизился к кавалеру, остановился в паре шагов.

– Значит, вы и есть тот кавалер Фолькоф, которого мне так рекомендовали взять с собой?

Что-то было в этой фразе такое, что хоть и не сразу, но не понравилось Волкову. Кажется, старик подчеркивал, что он мог бы обойтись и без Волкова, но раз уж ему его навязали, то ладно, так и быть, возьмет.

Кавалер низко поклонился.

– Полковник Фолькоф к вашим услугам, господин маршал.

– Полковник? – спросил фон Бок, внимательно глядя на Волкова. – Георг, тебе говорили, что кавалер еще и полковник?

Георг фон Беренштайн. Ну конечно, вечный спутник и вечный заместитель фон Бока, как же без него. Он подошел вслед за маршалом и сказал:

– Нет, мне ничего не известно о звании кавалера.

Волков как будто знал, что такое может произойти, он полез к себе в шубу, достал оттуда великолепный полковничий патент и с поклоном передал его Беренштайну. Тот развернул, быстро прочел и показал его фон Боку.

– Ах вот как. Прекрасно, прекрасно... И почему же вы его купили?

– Был награжден им за заслуги, – ответил кавалер и опять поклонился.

– Ах да... Припоминаю, припоминаю... У вас была, кажется, пара драк с какими-то там горными разбойниками... – продолжал маршал. – Об этом говорили. Но неужели теперь за это император дарует такие чины?

– Не мне обсуждать решения императора, – Волков был сдержан и скромн, – но я рад, что оказался удостоен такой чести.

– Конечно, конечно. И не мне тоже обсуждать решения его императорского величества, – быстро согласился фон Бок. – Полковник – значит полковник.

Фон Беренштайн вернул кавалеру патент, а тот хотел было представить своих офицеров и уже начал:

– Господин маршал, это мой заместитель капитан-лейтенант...

– Потом, все потом, – оборвал его фон Бок. – Беренштайн потом запишет ваших офицеров в приказы. А сейчас, господа, прошу всех за стол, пора начинать, раз все в сборе.

Все стали рассаживаться за длинный стол согласно указаниям фон Беренштайна.

– Отчего же вы не сказали, что командовать нами будет фон Бок? – с укором спрашивал у кавалера Брюнхвальд.

– Не хотел пугать всех раньше времени, – ухмылялся Волков.

Нет, конечно, хоть и не хватал фон Бок звезд с неба, но командиром он был, безусловно, опытным и знающим свое дело. Однако репутация бесчестного сквалыги за ним тянулась с давних-давних пор.

Офицеры расселись, замолчали. Маршал встал и начал:

– Господа, коли угодно то будет Господу, так помолимся и возьмемся за дело. – Он остановился, осенил себя крестным знаменем и прочел быструю молитву. Офицеры все как один повторяли за маршалом, и, окончив, тот продолжил: – Известно вам, что два года уже беду эту разрешить никто не может. Знаете вы, что уже который год мужичье, что забыло свой долг пред Богом и людьми, презрев обязанности свои перед своими господами, от мирного земледелия отошло и, подстрекаемое еретиками и чернокнижниками, взяло в руки оружие и возомнило себя воинами. И творят бесчинства на всем нашем северо-востоке. И многие добрые люди и благородные рыцари, позабыв Господа, встали под их подлые знамена, на коих нарисованы богомерзкие башмаки, и не гнушаются под теми знаменами воевать, помогая подлому люду бесчинствовать. Говорят, что всякие богомерзкие юристы пишут им тезисы, пишут, что, дескать, не должен мужик выходить на барщину чаще, чем раз в неделю, что, дескать, десятина церковная тяжела, что подати велики и много их. Мол, за это и воюют. Но на самом деле вольная жизнь разбойников, жизнь без трудов праведных прельщает этих людей. Говорят, что по многим княжествам мужиков, что встали под знамена с башмаками, пятьдесят тысяч. Но нам все княжества, слава богу, в усмирение приводить нет нужды. Гильдии купеческие и славные города просят нас о малом. Просят освободить от безбожного мужичья земли между Рункелем, Брехеном и Лимбрег-Линау. Посмотрите на карте, господа.

Все господа офицеры принялись рассматривать выделенные на карте места, а фон Бок продолжал:

– Просят нас купцы освободить от мужичья весь приток Линау, чтобы по реке можно было возить товары как до Фёренбурга, так и на северо-восток, в земли княжества Экссонского. Для чего нам надобно перейти приток Эрзе южнее Брехена, найти тамошний отряд мужиков и, навязав ему генеральное сражение, разбить его и освободить судоходство на Линау. Мужиков там, по рассказам тех, кто уже это пытался сделать, немного, тысячи четыре-пять, но у них есть и солдаты, и офицеры, и рыцари. А руководит ими рыцарь Эрлихген. Говорят, у него железная рука удивительного свойства, которая якобы совсем как живая. И он, кстати, был в письме не по-рыцарски груб с императором, за что мы хаму должны воздать. Четыре войска, два с нашей стороны и два со стороны еретиков, пытались этих мужиков побить. И были среди них мужи, в военном деле сведущие, но всякий раз они оказывались биты сами. Прошлые отряды, что шли воевать на мужика, в глупой своей самоуверенности были весьма малы. Я же побить себя не дам и поэтому решил собрать войско в пять тысяч человек. Среди вас хорошо мне известные полковники фон Клейст, фон Кауниц и Эберст и неизвестный нам, господа, человек, которого очень-очень просили взять купцы, – это полковник Фолькоф.

Волков опять встал и поклонился, чтобы его еще раз увидели офицеры.

– Надеюсь также, что к нам присоединится отряд ландскнехтов капитана Зигфрида Кленка. Переговоры с ними ведутся. На этом все, господа. Вечером прошу вас на ужин.

– Что значит «все»? – Брюнхвальд наклонился к Волкову. – Как все? А диспозиция кампании, а план похода?

– Может, после. – Волков и сам был удивлен.

– Мы пять дней ехали, чтобы узнать то, что и так знали, и посмотреть плохую карту?

Все офицеры стали вставать из-за стола, направляться к выходу из залы.

– Господа полковники, прошу вас не уходить, а подождать за дверью, вас вызовут, – вдруг сказал фон Беренштайн.

– Возможно, мне скажут что-нибудь наедине, – предположил Волков.

Брюнхвальд понимающе кивнул.

Ждать долго не пришлось. Но перед вызовом на беседу к маршалу, к удивлению кавалера, стали к нему подходить офицеры, представляться и знакомиться с ним. Вернее, и с ним, и с Брюнхвальдом, и с Рохой. И говорили ему, что слышали о его победах над горцами. Сии господа не стеснялись выражать свое восхищение, никто из них не принижал победы кавалера

над горцами, не называл их «какими-то горными разбойниками», все знали, что горцы в пешем бою так же хороши, как и ландскнехты, а может, еще и лучше, и чтобы победить их, нужны недюжинное умение и стойкость.

Уважение и признание опытных офицеров то были офицеры, несомненно, опытом умудренные, – оказались в высшей степени приятны. Но вскоре молодые адъютанты позвали Волкова в залу, где только что был совет.

Маршал фон Бок сидел во главе стола, по левую руку от него разместился генерал фон Беренштайн. Адъютант собирал карту со стола. Волкову сесть не предложили.

Маршал расправил белые свои усы и сразу заговорил:

– Подлецы ландскнехты просят денег невероятных.

– Да, – поддержал его заместитель, – дешевле допфельдольднеров нанимать, чем этих зарвавшихся забияк.

Начало разговора сразу кавалеру не понравилось, как и то, что ему даже не предложили сесть.

– Скажу без обиняков, – продолжал фон Бок. – Вы здесь лишь потому, что за вас просили всякие ушлые купчишки, всякие жида. И мне не нравится, что вам не выдали деньги через казну кампании, а отвезли лично. Нам как бы намекают, что вы какой-то особенный. Говорят, что справлялись вы с делами, кои должна была делать инквизиция, и что вас так и кличут за глаза – Инквизитором.

Волков лишь едва заметно поклонился.

– Вижу, что человек вы ушлый, – продолжал маршал, не выбирая ни тона, ни выражений. – Вон, и герб курфюрста Ребенрее у вас на груди висит. Говорят, что вы и к курфюрсту Ланна вхожи в дом. Но меня всем этим не проймешь. Я, знаете ли, солдат и никакого излишнего почтения ни перед попами, ни перед имперскими жидами-банкирами не испытываю. И я не допущу какого-либо самоуправства или неповиновения в своих войсках. Даже не надейтесь, что патент имперского полковника делает вас особенным. Коли нужно будет, – фон Бок невежливо тыкал в кавалера старческим артритным пальцем, – так я отправлю вас под трибунал и не посмотрю на ваших сиятельных или богатых покровителей. Надеюсь, вам это понятно, полковник.

Волков уже и забыл, когда его вот так вот отчитывали словно мальчишку. Он не стал ничего отвечать, смолчал и лишь еще раз поклонился. Кавалер думал, что этот разговор всего лишь о субординации, и был готов принять его. Каждый офицер, а тем более генерал должен довести до своих подчиненных пределы своей власти, чтобы всегда и всем было понятно, чего от кого ждать. Волков молчаливо, но принял безоговорочное верховенство фон Бока. Но разговор на этом, как ни странно, не завершился.

– Друг мой, понимаете ли, – заговорил тут фон Беренштайн, – кажется, с ландскнехтами, а их шестьсот шестьдесят человек, нам договориться будет непросто. Уж больно много они хотят серебра.

Волков посмотрел на него с заметной долей удивления: «А что же вам надобно от меня?»

– А вам, – продолжал генерал, – как нам стало известно, была передана изрядная сумма денег.

– Чрезмерная сумма, – добавил фон Бок.

«Ах, вот оно в чем дело. Чрезмерная сумма! А я-то полагал, дело в установлении субординации».

– Думаю, что излишки денег понадобятся нам для найма ландскнехтов, – продолжал фон Беренштайн.

Сказав это, и он, и фон Бок стали ждать, что ответит Волков, а тот ничего не говорил, молчал и глядел на руководителей кампании. Он просто ждал, что еще они предпримут. Он не спешил.

– Отчего же вы молчите? – выкрикнул фон Бок. – Экий вы молчун, однако!

– Или, может, вы думаете, что мы справимся без ландскнехтов? – поинтересовался фон Беренштайн.

«Я думаю, что вы, два старых жулика, не получите от меня ни пфеннига».

– Господа, – наконец заговорил он, – жид Наум Коэн долго уговаривал меня взяться за это дело, сулил мне хорошие деньги и дал мне хорошие деньги, иначе я бы занимался своей войной и вам своим молчанием не докучал бы. Я подписал с жидом контракт. И в контракте, который я подписал, сказано: доппельзольднеров, солдат первых и задних линий, стрелков и арбалетчиков на мое усмотрение всего тысяча пятьсот человек, триста человек саперов с инструментом шанцевым и сто кавалеристов. Барабанщики, трубачи, кашевары, возницы и люди прочие тоже есть в контракте. На то мне и были выданы деньги. На ландскнехтов в моем контракте денег не было.

– «В моем»... «в моем контракте»! – закричал фон Бок раздраженно. – Нет никакого «вашего» контракта, работаем над одним делом, и контракт у всех должен быть один. Один на всех. – Маршал сделал маленькую паузу и после стал выговаривать едко: – А вы сюда в дорогой карете приехали, прямо граф какой, весь в мехах и бархате, при гербах княжеских, да выезд весь ваш на хороших конях.

Волков покивал, как бы соглашаясь с упреками, но как только представилась ему возможность, заговорил:

– Цепь с гербом от князя Ребенрее заслужил я не на бальных паркетах и не за шутки на пиру – получил я ее за дело тяжелое вместе с земельным леном. Карету мне подарили благодарные жители города Малена за победу над горцами при холмах, а люди мои и вправду ездят на конях хороших, но коней тех не я им покупал, на дорогих коней у меня серебра нет, тех коней я брал железом в разных делах, коих в жизни моей было немало.

– Хорошо, хорошо, – примирительно покивал генерал Беренштайн, – ваше право ездить хоть на карете, хоть на телеге. Но не может такого быть, чтобы ничего от выданных вам денег не осталось. На дело сие купчишки собрали пять тысяч золота, нам дали всего три с половиной тысячи. Значит, вам дали полторы.

«Вон оно как, купчишки, видно, ценят меня больше вашего, судя по тому, сколько привезли мне золота».

– Сумма велика, – продолжал генерал, – у вас должно остаться много лишнего. Вам же надо собрать всего полторы тысячи солдат.

«Останется у меня больше, чем ты думаешь, но то золото не про вас».

– Господа, лишних денег у меня нет, – отрезал Волков.

Фон Бок опять хотел что-то кричать, но фон Беренштайн его урезонил, явно по-дружески. Видно, хотел все решить без ругани и заговорил спокойно:

– Что ж, у вас от ваших денег даже и трехсот гульденов не осталось? Хоть триста золотых у вас есть?

«Хоть? Хоть триста золотых?!» Для этих проходимцев триста золотых монет были мелочью, для Волкова же это звучало как «целых триста золотых». Он на четыре сотни золотых, что добыл в Хоккенхайме, жил все последнее время, да еще и войну вел.

– Нет, господа, у меня нет денег, я все подсчитал, все раздал на дело, а лишние...

– Ну? И куда же вы дели лишние? – зло спрашивал маршал, трясая белой бородой.

– У меня были долги, я их раздал, – соврал Волков.

Нет, делиться своим золотом с этими проходимцами он не собирается, это уж точно.

Фон Бок аж вскочил.

– Имейте в виду, полковник, что как приведете свои войска к смотру, так пересчитаю все телеги и котлы, пересчитаю каждого вашего солдата, каждого сапера и перечту все их контракты... И сочту каждую лопату, каждый гвоздь в подкове всех купленных вами лошадей. Не

дай вам бог, если не досчитаюсь того, что должно быть в вашем контракте с жидом Коэном! – Он стучал пальцем по столу. – Не дай вам бог!

Волков смиренно молчал. Как бы его ни пугали, как ни кричали на него, никаких денег он им давать не собирался ни при каких обстоятельствах.

– Идите уже, идите. – Фон Беренштайн с кислой миной на лице махал ему, желая закончить этот неприятный для всех разговор.

Кавалер в который раз поклонился.

Глава 4

Ужин для офицеров маршал фон Бок дал такой, что капитану Рохе не хватило мяса. Пока он усаживался, пока мостился со своей деревяшкой, так с блюда, что стояло перед ним, все куски жареной свинины разобрали. Волков и Брюнхвальд посмеялись над Рохой, когда тот искал вилок, что бы ему наколоть среди мясных остатков. И с другой едой, с вином было почти так же, единственное, чего оказалось в изобилии, так это пива и хлеба. Пива было много, хоть упейся, оно же недорогое.

Смеялись. А смех-то был невеселый. Волков рассказал своим офицерам о разговоре с маршалом и генералом. И Брюнхвальд предложил:

– Дайте мне контракт, кавалер, я почитаю и подгоню все так, что комар носа не подточит, не к чему им будет прицепиться.

Волков соглашался и кивал. Да, Карл был педантичный и скрупулезный человек, настоящий капитан-лейтенант. Раз он говорил, что все будет соответствовать контракту, значит, так оно и случится. А вот Роха глядел на все иначе.

– Дело дрянь, – говорил он с многозначительным видом, – невзлюбили, значит, нас отцы-командиры. Теперь хлебом мы юшки.

– Чего ты? – спрашивал его Волков.

– Коли пойдем в атаку, так поставят нас в центр. А коли будем стоять в обороне, так фон Бок отправит нас на самый опасный фланг, а может, и вовсе под пушки, – пояснял Скарафаджо.

– А вы бы куда хотели, капитан? – интересовался у него Брюнхвальд.

– В резерв, – сообщил Роха со смехом.

– Стрелкам в резерве не бывать, – напомнил ему капитан-лейтенант.

Впрочем, хоть и плох, скуден был ужин у жадного маршала, но зато за пивом они потихоньку перезнакомились со всеми офицерами. Особенно хорошо стало всем, когда сам фон Бок, извинившись, отправился спать. Тут уже стали господа вставать из-за стола, подходить, разговаривать, узнавать, где и с кем служили, под чьими знаменами бывали. Так до самой ночи и проговорили за пивом.

Утром, еще до рассвета, кавалер со всеми своими людьми уехал из Нойнсбурга. Готовиться, чтобы к первому мая сюда вернуться и привести с собой всех нанятых людей в полной для похода готовности, и чтобы все было согласно контракту. И ехал он, ни о чем не жалея. Черт с ним, с фон Боком и его неудовольствием. И мужиков с их загадочным командиром и его железной рукой он не боялся ни секунды. Главное, что дело это ему даст большую передышку в деньгах.

Да, золото было главным. Шестьсот золотых монет чистыми, которые Волков рассчитывал получить с дела, перевешивали все остальное.

И снова в Ланн он не заехал. Стоило бы проверить, как живет Агнес, да некогда ему было, торопился он домой. Там, в его доме, всякое могло без него случиться. Всякое. Вот не верил кавалер в благоразумие госпожи Ланге, а уж от Элеоноры Августы или от Брунхильды благоразумием так и вовсе не пахло, всегда от них лишь вздорностью, ретивостью да капризами несло. Поэтому он и торопился, боялся, что эти дуры в глупых своих раздорах «племянника» его не сберегут.

Но все было слава богу. Когда Волков уезжал, Бригитт провожала его с лицом недовольным, а тут выбежала на порог радостная, кланялась ему, щебетала что-то. У Элеоноры Августы заметно порос живот. А вот графиня так сделалась в боках тоньше, платья стала носить по фигуре, и к ней снова стала возвращаться ее стать, что сводила с ума мужчин. Заметно похорошела Брунхильда за десять дней, что кавалера не было. Когда он пришел увидеть дитя, Брунхильда встала рядом.

– И как съездили? – спросила она тоном, который никак не назовешь добрым.

– Слава богу, – отвечал кавалер, бережно беря ребенка на руки.

– Что, воевать станете?

– А что ж делать, другого ремесла не знаю.

– А поместье для меня и для племянника когда добудете?

– Сделаю, – обещал он, не отрывая глаз от младенца. – Сейчас немного с солдатами разберусь и поеду поговорить с епископом, может, он что посоветует.

– С солдатами разберетесь? – Она вдруг вырвала у него младенца. – Я тут живу с этими двумя гарпиями да еще с этой монашкой кисломордой, что поучает меня вечно, живу хуже, чем при старом муже в Малендорфе, а он будет ждать да с солдатами разбираться.

– Угомонись ты, сказал же, займусь, а пока, может, дом тебе построю отдельный.

– Дом? – воскликнула Брунхильда. – Да у меня есть дом, с двумя десятками слуг, в моем поместье.

Она стала укладывать младенца в люльку.

– Чего ты бесишься? Сказал же, построю дом.

– Не надо мне дома, мне нужно мое поместье, – отвечала графиня, вся пылая от злости.

И была она так красива в это мгновение, что Волков схватил ее за плечи крепко, так, чтобы не вырвалась, и полез было целовать в губы. Да не захотела она, отворачивалась, шипела змеей:

– Не хочу я вас, подите прочь!

Да куда там, повалил он ее на кровать.

– Оставьте меня, не позволяю я...

Но кавалер уже задира подол, сгибал ей ноги, брал ее с удовольствием, наслаждаясь ее красивым телом.

После он лежал на кровати и смотрел, как она, подобрав юбки, шарфом вытирала у себя промеж ног и говорила ему уже без всякой злости:

– Деньги мне нужны. Уеду я.

– Сказал же тебе, дом построю. Хочешь, у реки построю, там красивые места есть. А как поместье добуду, так туда переедешь.

– Нет, – отвечала она, бросая шарф на пол и оправляя платье. – Жить тут я не стану, иначе грех на душу возьму, шалаву вашу рыжую прибую. Да и вам некогда мне имение добывать: все войны у вас да войны. Я сама добуду.

– Как? Кто тебе поможет?

Она встала в полный рост, подбоченилась, поглядела на него высокомерно, да еще ухмыльнулась.

– Да уж найдется кто.

– Да кто же? – От ее глупого поведения Волков даже раздражаться стал, сел на кровати.

– К герцогу поеду, – все с той же высокомерной ухмылкой отвечала она.

Красавица снова задрала юбки, стала поправлять чулки все с тем же самоуверенным видом.

– К герцогу? К курфюрсту Ребенрее? – не верил он.

– К нему. – Она подтянула чулки и села к зеркалу приводить себя в порядок, а то этот солдафон своей грубой лаской всю прическу ей испортил. – А что же, думаете, не примет родственницу герцог?

– Думаю, что нет, – отвечал кавалер.

– А помните, вы мне флакончик с зельем давали и говорили, чтобы я на герцоге его при случае испытала?

Да, Волков припоминал флакончик, что давал ей, и тот разговор.

– Так я дважды зельем мазалась, когда к герцогу ездила. И всякий раз с ним танцевала, он сам меня в пару выбирал. А в последний раз, что он меня видел, так за лобок меня хватал, за зад, в шею меня целовал и говорил, что при его дворе таких красавиц нет больше, – с вызовом и даже с насмешкой рассказывала графиня.

«Врет, мерзавка!»

– Да где же это было? – не верил кавалер.

– На балу в Малене. Он нас туда с мужем приглашал. А как я по нужде пошла, так он меня в коридоре и остановил поговорить. А сам стал подол мне задира, пока в темноте мы были. – Нет, она не врала, она вспоминала, как все происходило. – Я уж хотела ему дать, да побоялась, уже беременна тогда была. А он умолял меня чаще при дворе появляться.

Волков сидел на кровати и молчал. И не знал, что делать: радоваться или грустить.

– Так дадите мне денег? – продолжала красавица, глядя на него через зеркало. – Дадите – так поеду к герцогу, у меня еще осталась пара капель зелья ведьмищи, я и про поместье дело решу, и про вас поговорю.

Она говорила это с удивительной уверенностью, словно уже все решено у нее было с герцогом. Неужто так она в свою власть над ним верила? А Волков все молчал.

– Хоть талеров сто дайте, до Вильбурга доехать, а там уж я сама.

– Сына тут оставь, – холодно сказал он ей.

– Вот уж нет, – графиня вдруг встрепелась и стала серьезной, – сын со мной поедет.

– Мешать будет. Тебе не до него там придется: балы, охоты да обеды.

– Сын со мной поедет, – твердо повторила Брунхильда, так твердо, что понял кавалер: спорить с ней бесполезно.

– Зачем он тебе? – спросил он с последней надеждой.

– Затем, что нет у меня на этом свете больше никого, кроме сына моего, поэтому будет он всегда при мне, – со злостью отвечала графиня, глядя рыцарю прямо в глаза.

Волков встал с постели и пошел к двери, кинув напоследок:

– Будут тебе деньги! Катись куда хочешь, дура.

Когда он спустился, то в зале его, конечно, встретила госпожа Ланге. И вид ее опять был холоден, как до отъезда.

– Отчего вы так кислы, Бригитт? – Волков тоже был в дурном расположении.

– Вы опять были у графини? – спросила Бригитт так, словно это ее мало заботило.

– Был – и готов сообщить вам радостную новость.

– Какую же?

– Графиня нас покидает.

– Правда? – Бригитт старалась делать вид, что не радуется, но это у нее не очень выходило.

– Правда.

– И куда же она уезжает? – интересовалась рыжая красавица.

– Ко двору герцога.

Бригитт тут даже засмеялась.

– Отчего вы смеетесь? – удивлялся кавалер.

– Думаю, что ей там будет в самый раз, среди беглых жен, вдов и прочих потаскух, что приживаются при дворе нашего сеньора. Да, там самое ей и место.

Довольно улыбаясь и шурша юбками, госпожа Ланге отправилась на кухню, оставив кавалера одного.

Глава 5

Пришел Сыч и сказал, что кузнец прислал весточку, мол, конюх из замка Баль желает встретиться.

– Давай его сюда. Пусть приезжает.

– Вы тоже с ним хотите поговорить или мне самому все выяснить? – спросил Сыч.

Хоть и было у Волкова дел неувпроворот, ведь каждый день в лагерь приходили новые солдаты, каждый день к нему из-за реки приезжали купцы говорить о векселях и расписках, но вопрос о деле кавалера Рёдля и барона фон Деница не давал ему покоя.

– Да, сам хочу послушать. Но к ним не поеду.

– Скажу тогда, чтобы конюх сюда к нам ехал.

Волков согласился.

В этот же день графиня Брунхильда фон Мален собралась отъезжать. Забрала при этом у Волкова дворового мужика в конюхи и дворовую бабу в кормилицы. Еще сто талеров. Была она сначала зла, а потом и прослезилась, прощаясь, – так Волкова стала целовать и обнимать крепко. Наверное, назло госпоже Ланге, которая находилась тут же. Он опять пытался отговорить Брунхильду брать с собой сына, но графиня, упрямством редкая, слушать ничего не желала. От этого кавалер стал на нее злиться, и последнее прощание вышло у них холодным.

Но как карета скрылась из виду, он подумал и решил, что все графиня делает правильно. И что к герцогу правды искать поехала, и что сына взяла с собой. Несчастливая вдова с ребенком, что родственниками притесняема, могла уговорить герцога разрешить дело нужным для себя способом. Конечно, могла, коли она так хороша собой, да еще и пару капель приворотного зелья при себе имеет. А могла и за «братца» слово замолвить, чем черт не шутит.

В общем, все складывалось ему на пользу. И дом строить для графини уже нужды нет, и в его доме, под его крышей, бури улеглись. Госпожа Ланге, глядя вслед выезжающей со двора карете, заметила язвительно:

– И слава богу, авось с ее распутством при дворе герцога она точно приживется. Там таких любят.

– Она не распутнее прочих, – холодно заметил кавалер, которого отчего-то раздражали такие слова про графиню.

– Разумеется, мой господин, извините мою женскую глупость, графиня для всех нас образец целомудрия, – проговорила Бригитт голосом, в котором не было и намека на раскаяние, сделала книксен и пошла в дом.

«Дрянь. Злая, упрямая, дерзкая дрянь».

* * *

Конюх барона фон Деница был человек дородный, крупный и, видно, не бедный. Звали его Вунхель. В Эшбахт приехал он на крепком возке, чтобы поговорить с купцом-коннозаводчиком Ламме о конях, и был немало удивлен, когда увидел в трактире Сыча и Ежа. Ни тот, ни другой вовсе не были похожи на коннозаводчиков, а похожи были и вовсе на людей опасных, может, даже и на разбойников. Конюх немного успокоился, когда пришел Волков. Они уселись за лучший в кабаке столик, пиво им приносил трактирщик лично.

– Значит, ты конюхом состоишь при замке? Вунхелем тебя кличут?

– Именно, господин, – с уважением говорил Вунхель, отхлебывая пиво. – Состою конюхом при бароне фон Денице, зовут меня Вунхелем.

– А скажи мне, конюх Вунхель, что там у вас с бароном?

– А что с бароном? – Конюх явно не понял вопроса.

– Болеет, выздоровел?

– Господа хорошие, а что же мы, про коней говорить не станем? Я сюда полдня ехал, чтобы про коняшек поговорить, у меня есть кобылки добрые, может, у вас есть жеребцы, может, вы скрестить желаете? А уж как жеребят делить, так договоримся, – заговорил Вунхель как-то отстраненно, глядя в кружку с пивом.

– Слышь, дядя, – Сыч положил свою крепкую руку на руку Вунхеля, – про коняшек мы потом поговорим с тобою. А сейчас отвечай, пока тебя по добру спрашивают. Говори, что с бароном вашим?

– А что с ним? Ничего с ним, – отвечал конюх все еще неохотно. Видно, на эту тему ему говорить совсем не хотелось.

– Болен барон? Здоров? Может, помер? – предлагал варианты кавалер.

– Чего ему помирать-то? – удивлялся конюх. – Молод да здоров, крепок как бык.

– Он же ранен был на войне, когда Рёдль погиб, – напомнил кавалер.

– О! – Вунхель махнул рукой. – Так то когда было, уже давно выздоровел наш барон, да и не болел он, пришел после той войны...

Тут он замолчал, понял, что болтает лишнее, стал коситься на Сыча.

– Ну, дядя, уж начал, так заканчивай. – Сыч пихнул его в ребра локтем.

– Люди добрые, а зачем оно вам? – стал киснуть конюх.

– Надо, значит, – оборвал его Сыч, – раз спрашиваем, значит, надо.

– Ну, вам-то оно, может, и надо, а мне-то к чему все такие неприятные разговоры? Господа ой как не любят, когда слуги про них с другими господами говорят.

Фриц Ламме молча достал талер, подкинул его со звоном ногтем большого пальца. Талер упал на стол, завертелся, а Сыч прихлопнул его рукой.

– Ну, говори, был ли ранен барон, когда пришел с войны?

– Может, и был, мне о том неизвестно, знаю, что коня своего отличного он угробил, пешком пришел.

– Не мог он не болеть, – упрямо возразил кавалер. – Как он с болтом в башке сам ходил? И не помогал ему никто?

– Добрый господин, да про то мне неизвестно! – Вунхель даже руки сложил, как в молитве. – Говорю же, знаю, что без коня он был, и все. Вернулся без коня.

– Доктор в замке был?

– Когда?

– Да все последнее время. – Кавалер уже начинал злиться. – Последний месяц в замке доктор какой-нибудь жил?

– Коли приехал бы доктор на коне, на муле или на мерине, да пусть даже на осле, я бы про то знал. – Конюх покачал головой. – Всяко свою скотину он у меня в конюшне ставил бы. Но никаких коней новых за последний месяц в замке не появлялось. Разве что доктор пешком пришел или привез его кто.

– А барон, значит, не хвор? – уточнил Сыч.

– Да вот как вы, к примеру, такой же хворый. Два дня назад с господами рыцарями на охоту ездили, кабанов привезли. Каждый день куда-нибудь ездит, дома-то не сидит.

– А дядя барона, господин Верлингер, что в замке делает?

– Живет да хозяйничает. Недавно приехал и вроде как управляющим при бароне остался.

Волков уже не знал, что и спросить. Все, все было не так, как он думал раньше. Все было странным. Или конюх врал?

– А ты барона видел в последний раз близко?

– Да как вас, господин. Прибежал Клаус – мальчишка, что при бароне посыльный. Велел шустрых коней седлать к охоте и любимого коня господина, на котором он на охоту ездит.

Я со своими помощниками оседлал, кого сказано было, псари собак во двор вывели, барон сразу с господами рыцарями и вышел. Сел да поехал. Вечером приехали, кабанов привезли. Я у господина коня забрал. Он сказал, что конь припадать стал на левую заднюю. Я посмотрел, так и есть: подкова треснула.

– На лице у него должна быть свежая рана, – настаивал Волков.

– Я его лица сильно не разглядывал, господин.

– Разглядывал, не разглядывал, там рана такая, что ее издали должно быть видно, не могла она так быстро зажить. – Кавалер уже злился. – Ему в лицо болт прилетел, так быстро такие раны не зарастают. И вообще до конца не зарастают, шрам на всю жизнь остаться должен.

– Уж простите, господин, не видал я никакой раны у господина, уж извините, не приглядывался, – отвечал конюх.

Волков сидел молча, ерошил на темени волосы пятерней, думал, думал и все равно ничего не понимал. Потом молча встал и пошел из кабака прочь.

Доехал до дома, где жили молодые господа, там встретил Максимилиана и спросил у него сразу:

– Вы видели, как был ранен барон?

– Нет, кавалер, я же при отце состоял на холме с пехотой, а вот Гренер как раз был при атаке рыцарей, сам вторым рядом ехал, хвастался о том. Позвать его? Он как раз только что вернулся.

Нет, звать его Волков не стал, сам пошел в дом, в котором жил его выезд. Давно он тут не был. Дом стал настоящим логовом молодых мужчин. Прямо у порога в беспорядке брошены седла, уздечки путанные висят на гвоздях. Седла дорогие – видно, это седла молодых Фейлингов. Тут же кирасы у стены стоят. На лавке шлемы, подшлемники в беспорядке валяются. Потники. Стеганки. Оружие брошенное. Ни в чем порядка нет. За длинным столом беззубая девка сидит с одним из послуживцев Фейлингов, из общей миски с ним похлебку ест. Устроилась на лавке, подобрав подол, поджав ноги под себя, так что подвязки чулок на коленях видны. Сразу видно, шалаву из кабака притащили. Еще одна девка, из местных, расхристанная, с непокрытой головой и голыми руками, полы метет.

Тут же в конце стола сидит брат Ипполит за книгой. Вскочил, кланялся. И ничего, девки распутные с задранными подолами его не смущают. Монах, праведный человек, называется.

Вслед за монахом и другие принялись вставать и кланяться господину. Кланялась и девка.

– А ты здесь откуда? – грозно спросил у нее Волков.

– Пустили меня, – пискнула девка, испугавшись.

– Отец Семион пускает гулящих пожить, – пояснил Максимилиан, – господа не против. Так вроде и веселее.

– А плату отец Семион какую с них берет за постой? – поинтересовался кавалер.

– То мне неизвестно, – заявил знаменосец.

Волков видел, что он явно врет. Все знали, что отец Семион человек распутный, известно, какую плату он брал с гулящих девок.

– У вас что, и местные девки тут живут? – все так же строго спрашивал Волков.

Та девка, что мела пол, окаменела, застыла с испуганным лицом. Она точно была местной.

– Всякое бывает, – нейтрально отвечал Максимилиан.

– Хотите, чтобы мужики за вилы взялись?

А юноша и отвечал ему весьма вразумительно:

– Кавалер, так силком их сюда никто не тащит. Сами приходят, у крыльца по вечеру собираются.

– Прямо так и сами?

– Да, любую за десять крейцеров на всю ночь взять можно.

Волков подумал, посчитал, что ловкая да пригожая девка за три недели денег тут зарабатывает больше, чем ее крепостной отец за три месяца, и решил, что сие возможно, что, может, и сами девки сюда ходят.

– Ладно, Гренер где? – спросил кавалер, садясь на край длинной лавки у стола.

– Спит, сейчас позову, – отвечал Максимилиан.

Карл Гренер был в исподнем и заспан.

– Что это вы спите днем? – спросил у него Волков.

– Утром только приехал из Малена, там помогал отцу по приказу вашему нанимать кавалеристов, – отвечал Гренер.

– Желаящие есть?

– Весьма много. Как узнают, что вы даете пятнадцать талеров в месяц, так многие хотят идти. И знатные тоже, и рыцари, и с послуживцами некоторые приходили.

– Хороший народ идет?

– Очень, и кони хороши, и доспех хорош. Но отец не всех берет, как вы и наказывали, сильно знатым отказывает, а всем другим говорит, что будет требовать повиновения и наказывать заслушание вплоть до виселицы. Говорит, что вы суровы и знатных будете вешать так же, как и незнатных. Но все равно многие просятся.

Тут Волков понял, что дал маху: кажется, он предложил лишних денег. Это в былые времена, когда войны полыхали вокруг во множестве, за пятнадцать талеров не всякий кавалерист бы нанялся. А сейчас, во времена затишья, пятнадцать серебряных монет были, видно, деньгами большими.

– Ладно, я о другом вас хотел спросить. Вы видели, как ранили барона?

– Фон Деница? У холмов? – уточнил молодой Гренер.

– Да, там.

– Нет, кавалер. Именно этого я не видел. Когда мы пошли на арбалетчиков, я был почти за ним, во второй линии. А потом, как мы их разогнали, так я по кустам за одним из них гонялся, забить его хотел, а как вернулся, мне уже сказали, что барона ранили.

– Вы болван, Гренер, – упрекнул его Волков строго. – Глупее вещей я и не слышал, чтобы кавалерист за арбалетчиком по кустам гонялся.

– Излишне увлекся атакой, кавалер. Забыл вернуться, не слышал приказа.

– Сила кавалерии в строю и едином ударе, в преследовании бегущего врага. А гоняться по кустам за арбалетчиками для кавалериста – верная смерть. Ваше счастье, что он там был один, без товарища. Приказы нужно слушать.

Молодой человек молча поклонился. А Волков подумал, что обязательно нужно нанять для похода хороших трубачей. Кавалеристы барабанщиков не слышат, да и не слушают никогда, барабаны – это для пехоты.

– Значит, вы не видели, как был ранен барон? – повторил он задумчиво.

Гренер помотал головой, а вот послуживец братьев Фейлингов, что ел похлебку с беззубой девкой, вдруг сказал:

– Кавалер, то я видел.

– Говорите, – заинтересовался кавалер, поворачиваясь к нему.

Кавалерист быстро поклонился и начал:

– Как мы разогнали арбалетчиков, так половина из них убежала к кустам, а другая половина побежала к своей пехотной колонне, и стали они оттуда кидать болты по нам. А барон закричал, чтобы мы снова строились под его правую руку в три ряда, хотел наехать горцам на фланг колонны. Господина Гренера-старшего не было, вот он и командовал. И чтобы его лучше стало слышно, открыл забрало.

– Вы видели, как в него попал болт?

– Я... Нет, не видел, как попал... Я был во втором ряду, через два крупы от него, видел, как он схватился за лицо и стал клониться к луке. Два кавалера сразу встали по бокам от него, схватили под руки и принялись вывозить его с поля, вот тут я и увидел, что у него вся левая перчатка в крови, а из-под левого глаза торчит конец болта.

Волков поморщился, представив на себе, как арбалетный болт с большой палец толщиной с хрустом и скрежетом входит в скулу, в череп и уходит в глубину головы почти что до затылка, до выхода из шеи. Ему, конечно, неоднократно доставалось от братьев-арбалетчиков, но чтобы вот так – нет. «Да хранит меня Господь, уж лучше в лоб».

– Значит, барон точно был ранен? – еще раз переспросил он кавалериста.

– Точнее не бывает, кавалер, – отвечал кавалерист.

Волков молча встал и направился к дверям. И там, вспомнив, оборотился.

– Гренер, скажите-ка к отцу.

– К отцу? – спросил молодой Гренер удивленно.

– Да, и скажите, что пятидесяти кавалеристов мне хватит, чтобы больше не нанимал.

– Пятидесяти хватит? А когда скакать, сейчас?

Он подумал, что деньги нужно экономить. Уж больно дорого обходились ему эти кавалеристы. Их и пятидесяти будет довольно.

– Немедля, – ответил Волков и вышел из дома, где жили господа из его выезда и блудные девицы вместе с попами и монахами.

Глава 6

Весна в этих местах приходила сразу. Вот, кажется, еще вчера ночью вода замерзала в лужах, а тут за два дня и теплый ветер с юго-востока последний лед растопил, и снега больше нет, даже в оврагах не лежит. В первую ночь было туманно, а в следующую так и вовсе ливень прошел. Все, зиме конец. Дороги раскисли так, что только верхом ездить можно. Шубы скоро прятать в сундуки придется.

А поутру из Малена пришло письмо от епископа. Беспокоился он, что господин фон Эдель который день живет в городе, встречается со всеми знатными горожанами и ходит даже на собрания совета.

«Чертов холуй графа».

Да и бог бы с ним, но он все интригует и интригует против Волкова. Говорит, что, дескать, городу не нужен такой беспокойный сосед, что погряз в бесконечной войне, которая еще и соседям отольется неприятностями. Фон Эдель убеждал людей, чтобы с фон Эшбахом дел не вели и даже ворота ему не открывали, иначе горцы будут думать, что горожане с кавалером заодно.

«Хитер мерзавец, знает, что говорить».

И даже просил слова на совете и убеждал советников не строить дорогу до границы с Эшбахом. Слава богу, совет его не послушался и советники все больше склоняются к одобрению строительства.

«Конечно, уголь мой в городе увидали, поняли, что я построил пристань, и уже думают, что от меня, с моей пристани, будут плавать по всей реке со своими товарами. Никакой фон Эдель купчишек не остановит, когда те почуюли прибыли».

А в конце письма отец Теодор добавил, что кавалеру лучше почаще навещать город, чтобы людишки здешние его не забывали. И «чтобы был он ко всякому готов и держал себя во всеоружии, ибо нет такой другой семьи, как Малены, что так сильна во всяческих кознях и хитростях».

Волков бросил письмо на стол и задумался. Дорогу горожане, наверное, построят, но все равно дело было неприятное. Граф принялся действовать, поместье по-доброму он не отдаст. А еще было плохо то, что бургомистр ему об этом ничего не написал. Волков хотел бы и от него что-то услышать. Молчал, хитрец, хотя не было сомнений, что про дела фон Эделя в городе первый консул знал.

Кавалер уже стал собираться за реку в лагерь – там Брюнхвальд покупал новые телеги за векселя, и чтобы лучше дело шло, Волкову надобно быть там же, – а тут пришел Максимилиан и сказал:

– Кузнец к вам, кавалер.

– Кузнец? Это тот, что из владений барона? Как его там...

– Волинг, кавалер.

– Да. И чего ему нужно?

– Не знаю, приехал на телеге со скарбом.

– Что? Зачем? – Волков встал и пошел на двор. К чему бессмысленно спрашивать у знаменосца, когда нужно спрашивать у кузнеца.

Кузнец приехал не только со скарбом, он приехал с семьей. Дети, бабы. Старуха – видно, мать – на телеге сидела. Все кланялись кавалеру, когда он вышел со двора на улицу.

– Ну, что случилось? – спросил господин фон Эшбахт у кузнеца, когда тот приблизился и поклонился.

– Господин, снова я прошу дозволения у вас поставить кузню, – сразу начал кузнец. – И кузню, и дом.

– Ты уже, я вижу, и скарб привез, и семью.
– Привез, господин, все привез, так как дома у меня больше нет.
Волков молчал непонимающе, ждал продолжения.
– Сгорел мой дом, господин. Сожгли.
– Кто? – первым делом спросил кавалер.
– Не знаю, пришли ночью. Сын говорит, что конные были, говорит, что слышал ржание.
– Надо следы вокруг дома посмотреть было. Если конные, так у них сапоги с каблуками, должны следы остаться на земле, – заметил Волков.
– И я так думал, господин, но ведь под утро начался ливень. Никаких следов не осталось.
– Ах, да. У вас там тоже, значит, дождь был?
– Был, господин, сильный был, из-за дождя-то и живы остались, дом и кузню с двух концов подпаливали.

Кавалер задумался. Если кузнец не врал и не ошибался, то дело с ранением барона и смертью кавалера Рёдля становилось еще более странным.

– Господин, что же мне делать-то, скажите уже, – просил Волинг. – Мне у вас начать можно будет или еще куда податься, там я все одно уже не останусь.

– А сам-то думаешь, кто твой дом подпалил? – спросил Волков, словно не слыша его вопроса.

– Они, – коротко ответил кузнец.

– Они? Кто они?

Кузнец молчал. Он явно боялся говорить.

– Ну, чего ты на меня таращишься? Кто они-то?

– Думаю, то были господа рыцари, выезд барона, – наконец ответил кузнец.

Кавалер засмеялся.

– Зачем им тебя палить ночью? Пожелай они, так и днем твою кузню подпалили бы, а тебя самого на твоих же воротах повесили. Нет, то не люди барона были.

– А кто же? – удивился Волинг.

– А мне почем знать, может, у тебя враги какие есть.

– Да какие же у меня враги? – Кузнец разводил руками.

– Не знаю, не знаю... – Скорее всего, кузнец и вправду не знал ничего, да и кавалеру нужно было обдумать ситуацию. – Ладно. Значит, ты у меня тут прижиться хочешь?

– Да, дозвоьте уже поставить кузницу и дом у вас тут.

– Тут в Эшбахте хочешь кузницу поставить?

– Или у реки, у пристани, подумаю пока. Я готов тридцать талеров в год вам за разрешение платить.

– Э, нет, друг мой дорогой, так не пойдет. – Волков погрозил кузнецу пальцем.

– А чего, я барону так и платил, – сказал Волинг.

– Барону? У барона там захолустье, дорога только на юг, к Фезенклеверу, шла, а у меня через пристань телеги поедут в город. Кабак купчишками вечно набит. Ты тут озолотишься. Так что забудь про тридцать монет в год.

– А сколько же денег вам надо?

– Денег мне надо много, но с тебя буду брать три талера в месяц, пока не обживешься да работать не начнешь, а там пересмотрю.

– Ну ладно, раз так, – на удивление быстро согласился кузнец, видно, и сам выгоду видел. – Тогда начну завтра сюда наковальни да инструменты перевозить.

А господин задумчиво пошел к себе в дом и, когда увидал на кухне Максимилиана, который болтал с Марией, сказал:

– Седлайте мне коня, хочу Сыча найти.

Чего его искать – известно, где он ошивался. Кабак его домом был. Трактирщик его уважал и водил с ним дружбу, Сыч с Ежом и харчевались там почти задарма. До кабака от дома кавалера было недалеко, но хромать по лужам да по скользкой глине ему не хотелось, вот и велел седлать коней.

– Ты знаешь, что кузнеца ночью подпалили? – сразу задал вопрос Волков, садясь к приятелям за стол.

– Ишь ты! Нет, не знал, экселенц.

– Теперь он сюда, к нам переезжает.

– Так это ж хорошо?

– Хорошо-то хорошо, но кто его мог сжечь?

Фриц Ламме и Еж переглянулись, и Фриц сказал:

– А вот подумалось мне, что наш приятель-конюх мог осерчать немного на кузнеца.

– Конюх Вунхель? – спросил Волков, удивляясь, что сам об этом не подумал. – А с чего ему кузнеца жечь? Чего ему на кузнеца злиться?

Тут Фриц Ламме и его приятель опять переглянулись. И морды у них были такие, что Волкова осенило:

– Ты что же, мерзавец, конюху талер посулил, на стол его перед ним положил и не отдал?

– Экселенц, да он так спесив был... Корчил тут из себя... – начал было Сыч.

Но тут кавалер схватил его за загривок, за ухо, за шкуру на шее, за жирные волосы своею тяжелой рукой, схватил крепко, зло и встряхнул подлеца. И зарычал:

– Болван, жадный дурак! Выиграл талер, большая прибыль тебе? А мне нужен был человек в замке! Человек мне нужен был в замке барона!

– Так чего, экселенц, – оправдывался Сыч, кривясь от боли, – зато кузнец у нас теперь свой есть.

– Он и так бы у меня был, – отвечал кавалер и с размаху отвесил тяжеленную оплеуху, такую, что шапка улетела на пол с глупой головы, а самого Сыча мотнуло немилосердно.

Еж сидел рядом с Сычом со стеклянными глазами, как будто он тут ни при чем совсем. Народец в кабаке притих испуганно, только Максимилиан стоял да смеялся за спиной кавалера.

Волков вытер руку, уж больно сальными были волосы Фрица Ламме, встал.

– Шубу почисть, болван. – И пошел прочь из кабака.

– Обязательно почищу, экселенц! – крикнул Сыч ему вслед.

– Эх, Фриц, Фриц, доведут тебя твоя жадность и хитрость до беды когда-нибудь, – все еще смеясь, заметил Максимилиан, поворачиваясь и уходя следом за кавалером.

– Да ладно, иди уже! – крикнул ему Сыч, почесывая щеку и шею, поднимая шапку с пола и надевая ее. – Ходят тут, учат еще...

Закончив с Сычом, Волков поехал за реку в лагерь, где уверял нескольких собравшихся купцов, что к маю все векселя свои оплатит. Карл Брюнхвальд тоже обещал, как умел, но обещать он мог плохо, из него вообще переговорщик был так себе. Купец Гевельдас тоже уговаривал братьев торговать, этот был много лучше Брюнхвальда – братья купцы ему верили. В общем, двадцать шесть больших обозных телег с полотняным верхом и с колесами, обитыми железом, одиннадцать бочек солонины, сто пятьдесят пудов муки ржаной и пшеничной и две большие бочки свиного жира купцы обещали поставить в течение недели, соглашаясь принимать расписки и векселя.

После, хоть кавалер и устал, а день пошел к обеду, дома Волков не остался. Собрался и поехал в Мален. Епископ был прав, следовало чаще появляться в городе, не то такие ловкачи, как фон Эдель, расстроят его отношения с горожанами. Этот старый пес графа был умен и на многое способен. С собою кавалер взял Увальня, Максимилиана, фон Клаузевица и братьев Фейлингов, которые сами напросились – хотели дома побыть хоть ночьку.

Вспоминая предостережения отца Теодора, Волков подумал-подумал да и решил надеть свой синий колет с подшитой кольчужкой. И перчатки с кольчугой. Взял свой пистолет. Береженого, как говорится, Бог бережет. «Если епископ говорит, так слушай его – дурного да глупого он еще ни разу не посоветовал». Также велел всем людям своим хоть как-то защититься и взять иное оружие, кроме их новомодных мечей для костюмов, больше похожих на зубочистки.

Фон Клаузевиц был небогат, и недавно Волков подарил ему отличную бригантину ламбрийской работы – он эту бригантину и надел. Братья Фейлинги тоже красовались в бригантинах, Максимилиан же поддел под колет красивую кольчужку, которую ему давно подарил Волков. А Увалень, Александр Гроссшвулле, недолго думая, натянул свою огромную стеганку, а поверх нее еще и кирасу. И раз уж сеньор велел вооружиться, и шлем с подшлемником нацепил. А еще взял свою алебарду, чего уж там мелочиться. Так и отправился, несмотря на шуточки молодых товарищей.

Дороги развезло так, что даже верхом ехали долго. Едва-едва успели в город до закрытия ворот.

Фейлинги уехали к себе, а Волков даже уже и не знал, куда ему на постой идти. Можно было и у епископа остановиться, и нового родственника можно было визитом порадовать. И решил кавалер ехать к племяннице. Купец Кёршнер дома хорошего для своего сына и его молодой жены в городе не нашел, поэтому купил несколько домишек, что стояли вместе на хорошей улице. Купил, денег не пожалев, да снес их к дьяволу, а на месте, что освободилось, стал строить хороший дом, из тех, у которых бывают широкие дворы с колодцами, и конюшни, и даже сады. А пока такой дом строился, молодые снимали задорого небольшой, но уютный дом.

Урсула Кёршнер и ее муж, хоть и было уже темно, не спали, встречали кавалера и его людей с большим почтением.

Урсула совсем другая после свадьбы стала. Была серьезна, делала ему книксен, говорила такие фразы, которые в устах ее казались странными:

– Велю вам камин топить сейчас же, ночи еще не теплы. Вы мыться любите, так велю еще и воду подать горячую, а для ноги вашей больной в постель скажу грелки класть.

Молодец, она все помнила и знала, что ему нужно. Странно это было, странно, словно тринадцатилетняя девочка играла во взрослую женщину, хозяйку большого дома с полудюжиной слуг. Впрочем, она уже и была хозяйкой дома, а может, вскорости, когда ей и пятнадцати еще не исполнится, станет уже не только хозяйкой дома, но и матерью семейства.

Он подошел и, пока девушка еще что-то пыталась сказать, прижал ее голову к своей груди. Крепко прижал и погладил по волосам, а потом, отпустив, спросил:

– Ну, как поживаешь, моя дорогая?

– А вы знаете, дядя, хорошо, – отвечала она. – Хорошо поживаю, муж мой в своем ребячестве бывает часто глуп, но он человек хороший и добрый, я рада, что вы нашли мне такого мужа. Да и мама к нам навещается часто, и тесть со свекровью тоже, и братья Людвиг Вольфганга, и нас в гости часто зовут, так что живу я хорошо, весело.

Кавалер засмеялся и посмотрел на ее мужа, что стоял тут же. Людвиг Вольфганг Кёршнер улыбался и, кажется, совсем не злился на жену за то, что она называла его глупым. Волков протянул ему руку для рукопожатия. Молодой человек пожал ее с большим почтением.

– Ну, а что у вас на ужин сегодня? А то я и пообедать не успел нынче.

– Я уже велела накрывать, прошу вас и ваших сопровождающих к столу, – говорила юная радушная хозяйка дома.

Глава 7

Дел в городе оказалось много. Поутру, еще до рассвета, не позавтракав, кавалер поехал к епископу, чтобы успеть поговорить с ним до начала службы в храме. Отца Теодора он застал на пороге его дома. Старик, несмотря на возраст, все еще вел утренние службы сам и уже спешил на службу, но по дороге они успели переговорить. Старый поп еще раз повторил то, что уже писал в письме, но особенно напирал на распрю с графом.

– Уж не думайте, что Малены отступятся. – Они медленно шли по еще темным улицам к кафедральному собору, где у епископа проходила служба. – Их фамилия всегда была упряма и в средствах неразборчива. И вообще... Я думаю, что лучше бы вам отказаться от вдовьего надела графини и сделать сие публично.

«Отказаться? Да еще публично? Признать перед всеми свое поражение?»

– Нет, сие невозможно. Я обещал графине добыть ей поместье, – твердо возразил рыцарь. – Не захотят отдать добром, так силой заставлю.

– Силой? – Епископ даже остановился. – Да не все же можно решить силой!

– Не все, но этот раздор можно. Приведу людей, возьму его замок и заставлю признать, что поместье принадлежит графине.

– Имейте в виду – наживете себе вечного кровного врага, такого унижения фамилия вам не простит. Да еще и герцог всегда будет на стороне родственников, и знать местная вся тоже, для нее вы вовеки будете чужим. Так и станете жить, лишь на меч опираясь.

– Я всю жизнь живу, на меч опираясь. Другой жизни я и не знаю.

– Вижу, отговорить я вас не смогу. – Отец Теодор покачал головой, останавливаясь на ступенях храма. – Раз так, прошу вас быть во всеоружии. Коварен и хитер род Маленов, иначе не стали бы они из мелких землевладельцев курфюрстами.

Епископ протянул кавалеру руку.

– Да, святой отец, – отвечал кавалер, целуя перстень на перчатке. – Буду помнить предостережения ваши.

Уже светало, когда епископ входил в храм. Люди простые, и богатые, и даже благородные, ждавшие попа у церковных ворот, старались наперебой подобраться к нему и тоже поцеловать руку, подносили к нему новорожденных или больных детей, чтобы получить для них от святого отца благословение. И старый поп никому не отказывал, со всеми был милостив.

А вот Волков был задумчив. Прежде чем сесть в седло, взялся за луку, остановился и стоял так в раздумьях целую минуту, не меньше. А думал он лишь об одном: стоит ли тягаться с Маленами? Так ли уж нужно ему это поместье? Епископ-то прав. Вся знать за графом пойдет. Для них Волков чужак, выскочка, а они тут вместе веками живут. И герцог за графа будет. А Волков, Брунхильду ко двору провожая, уже думал о том, что она поможет ему с герцогом замирился. А если Малены еще и город против него настроят, а они смогут, на кого же ему тогда опереться? Да только на меч свой и сможет он опереться. Но поместье для «племянника» как иначе добыть? Может, часть своей земли отдать? Но его земля – это глина, овраги, кусты бескрайние да пустоши, с Грюнефельде не сравнить.

Вот с такими думами и сажился кавалер в седло.

– Надобно трактир какой найти, – сказал он, – завтракать пора.

Фон Клаузевиц, Максимилиан и Увалень спорить с господином не стали.

Отыскивали недалеко от кафедрала подходящий трактир. На вид был хорош, а еда оказалась дрянью, видно, повара никудышные. Поели молока, меда и хлеба, все остальное, что им приносили к завтраку, есть оказалось невозможно. Принесли жареную кровяную колбасу, а она несъедобная. Такое сало было прогорклое и вонючее, на котором ее жарили, что с ней и рядом-то сидеть нельзя было, не то что есть. И пироги, видно, были с тем же вонючим салом. Волков

так разозлился, что звал к себе трактирщика и таскал дурака за волосы, бранил и заставлял его самого жрать те пироги. И платить ни за что не стал, даже за молоко с хлебом.

Так и не наевшись, поехали они к ратуше, где кавалер хотел повидать бургомистра и поговорить с ним о проделках этого графского холая фон Эделя. Что он говорит, да с кем встречается, да к чему призывает славных горожан. А заодно и выяснить, что господа городские советники думают насчет дороги.

Проезжая по улице Печников, в одном проулке, что выходил на эту улицу, Волков заметил человека. Человек тот был верхом, и было сразу видно, что он из добрых людей. При железе нешуточном, при кинжале, в бригантине, борода отменно, серьезен, глаза у него острые и непокрытая голова. Горяч. Волков, встретившись с ним взглядом, уже думал господину поклониться, так как казалось ему, что он где-то его видел, да господин тот вдруг глаза отвел и стал разглядывать старую закопченную вывеску колбасной лавки. Ну и ладно, поехали дальше.

Бургомистр, как и положено, был в ратуше. К нему люди шли вереницами, но как показался Волков, так всех иных людей он оставил.

– Рад сообщить вам, друг мой, что вопрос по дороге до владений ваших почти решился положительно, – сразу заговорил господин первый консул города Малена Виллегунд.

– И что же повлияло на решение господ советников? – спросил Волков с чувством приятного удивления.

– Во-первых, уголь, который стал возить ваш племянник в город, а во-вторых, причастность к сему делу господина Кёршнера.

– Не понимаю, а что господ советников так взволновало?

Бургомистр чуть ближе наклонился к кавалеру.

– Часть городского купечества стала волноваться, что Кёршнер сам построит дорогу до вашей пристани, – многозначительно сказал бургомистр.

– Ах вот как...

– Да, – продолжал тот, – уголь, что вы привезли в таких хороших количествах, многих господ негоциантов удивил. Говорят, они посылали верных людей смотреть ваши пристани на реке, ваши склады. И после того стали волноваться, как бы ваш родственник Кёршнер не построил к вам дорогу сам. Они думают, сам построит да потом никого к ней не допустит. А у них уже к вашей пристани аппетиты имеются.

Это было очень хорошо. Волков обдумывал услышанное, а бургомистр продолжал:

– Господа негоцианты уже думают о покупке земли у вас, чтобы строить себе склады у вашей пристани при амбарах.

– Мне стоит подумать о том, – отвечал кавалер нейтрально.

«Черта с два они получают хоть аршин моей земли. Будут пользоваться только моими складами. Кажется, мне и барж парочку стоит прикупить».

Приятно все это было слышать, но сейчас кавалера волновал другой вопрос.

– Друг мой, дошел до меня слух, что некий господин фон Эдель в городе, не скрываясь, интригует против меня.

Господин первый консул развел руками.

– Никто не может ему того запретить. – Виллегунд немного помолчал. – Тем более что представляет он фигуру в наших краях весьма значимую.

– И что же думают о том уважаемые в городе люди?

– Ваши позиции незыблемы, уважаемый господин фон Эшбахт, – улыбаясь отвечал бургомистр. – И уже не будем говорить о ваших славных делах и победах, а вспомним лишь о вашей пристани и доступе к реке. О вашем угле из Брегенна и о лесе, который лежит на вашем берегу и дожидается лишь хороших дорог. Все говорят сейчас только об этом, уверяю вас, а все усилия графа и господина фон Эделя тщетны.

– И это все, что говорят? – уточнил Волков.

– Ну, говорят еще, что городу на руку вражда двух важнейших в графстве персон, за одним из которых стоят все земельные сеньоры, а за другим – три сотни солдат и боевой опыт. Советники и главы гильдий считают, что сии персоны отныне будут более сговорчивы, так как станут искать у города поддержки. То нам надо обращать городу в пользу.

Спорить с таким было глупо. Волков понимающе кивал.

– А еще говорят, – продолжал бургомистр, – что вы во Фринланде разбили огромный лагерь и собираете там тысячи солдат. Мол, что война с кантоном Брегген скоро опять возгорится и что вы пойдете к ним, на их берег.

Конечно, кавалер прекрасно понимал, что в тайне от всех его лагерь держать не удастся. Но такие слухи... Он даже и не знал, что на это сказать. Надо было еще подумать, что для него лучше: подтвердить эти слухи или опровергнуть их. Наверное, поэтому, несмотря на заинтересованный взгляд бургомистра, Волков ему так ничего и не сказал на сей счет.

Он бы еще поговорил с господином первым консулом, но того поджидало много просителей и посетителей, поэтому кавалер не стал его задерживать. И предложил поехать к родственнику, купцу Кёршнеру, на обед. Господа фон Клаузевиц, Максимилиан и Увалень были этому весьма рады – все знали, что дом купца славится гостеприимством и весьма богатым столом.

Самый богатый и самый большой дом Малена, чего уж тут говорить. Масштабная конюшня, огромный обеденный зал. Слуги так расторопны, а хозяйева так радушны, что Волков чувствовал себя тут едва ли не герцогом. Кухня? О кухне и говорить нечего. По сравнению с кухней дома Кёршнеров кухня графов Маленов была мерзкой трактирной стряпней. Даже повара-монахи епископа не могли тягаться с поварами богатейшего купца графства.

Конечно, начались разговоры с родственниками. И тут же пошли просьбы. Госпожа Клара Кёршнер завела разговор про своего сына Габриэля. Вздумалось купчихе, чтобы второй ее сын пошел по стезе военной, и она пригласила сына, чтобы кавалер на него взглянул, пока слуги накрывали на стол. Родственница просила Волкова взять мальчика к себе в выезд. Габриэль Кёршнер оказался весьма крепок на вид, да и разговор вел разумно и с большим почтением, выражал желание состоять при доме фон Эшбахтов.

Волков, может, и взял бы его, но имелась одна загвоздка. Молодые господа, выезд кавалера, могли воспротивиться тому, чтобы служить вместе с сыном купеческим, да еще с внуком вонючего кожевенника. Уж такие спесивые юноши, как Фейлинги, точно не упустили бы возможность хотя бы позлословить. В среде молодых людей воинского достоинства всякое злословие легко могло закончиться поединком, а поединок – смертью. Волков и обернуться не успел бы, как ему доложили бы о мертвеце. В этом кавалер не сомневался. Служа в гвардии, видел все не раз: хотя среди гвардейцев поединки были запрещены настрого, но они случались систематически.

Однако отказывать родственникам, конечно, нельзя. И тогда Волков придумал простой способ решить проблему.

– Георг, – обратился он к фон Клаузевицу, который присутствовал при разговоре, – не будете ли вы столь любезны и не возьметесь ли опекать и учить господина Кёршнера? Думаю, что отец его за сие учение не пожалеет некоторой суммы денег, например пяти талеров в месяц.

Фон Клаузевиц был абсолютно беден. Все, что он получал, – это деньги за походы да полагающуюся ему часть военной добычи, которую тратил тут же на одежду, новые доспехи и, как теперь уже Волков знал, на распутных девок. Пять талеров в месяц ему совсем не мешали бы.

– Опекать и учить господина Кёршнера? – удивленно переспросил молодой рыцарь.

– Уж мы оказались бы вам благодарны, – с улыбкой говорила госпожа Клара Кёршнер.

– Почту за честь. – Фон Клаузевиц встал и поклонился хозяйке дома.

Вопрос был решен. Уж никто из молодых повес не осмелится задирать того, кого опекает фон Клаузевиц – рыцарь, который не побоялся в сложный момент выступить чемпионом

сеньора и принять вызов любого фехтовальщика графства. После того случая Георг, несмотря на свою молодость, пользовался большим авторитетом среди молодых людей, да и среди офицеров тоже.

Тут появился и хозяин дома, сам господин Кёршнер, который был до этого занят делами.

– Друзья мои! – Он поклонился и улыбнулся радушно. – Стол накрыт, прошу вас обедать.

Ах, что это был за стол! Особенно для людей, которые со вчерашнего вечера ничего толком не ели.

Сначала лакеи несли паштеты. Причем два на выбор: один из мяса дикой птицы с морковью, луком и базиликом, а второй из гусиных печенок с черным перцем. Паштеты подавались с горячим белым хлебом и мягким сливочным маслом с укропом и чесноком. К паштетам приносили крепкий темный портвейн.

Волков усмехался, глядя, как его молодые спутники жадно едят паштеты. Уж он знал, что за паштетами последуют другие блюда, хотел даже сказать Увальню, чтобы тот так не спешил, но подумал, что это жестоко. Александр Гроссшвулле жил, кажется, для того, чтобы есть. Он снял свою огромную кирасу, шлем и стеганку и сидел за столом одетым на грани приличия – в одной нижней рубаше. Но как ни странно, именно он среди всех снискал наибольшую симпатию хозяина дома. Они оба любили поесть. Именно Увальню господин Кёршнер советовал новые сочетания в еде и радовался, когда тот отвечал ему:

– Это очень вкусно! Уж не думал я, что паштеты с маслом так вкусны.

– Запивайте обязательно портвейном, но лишь глотками малыми, самыми малыми, у нас сегодня будут еще и другие кушанья, нам пьянеть еще рано, – советовал ему купец, радуясь отменному аппетиту этого большого человека.

Не дав гостям насытиться, хозяин велел уносить блюда с паштетами и нести птицу. Вальдшнепы, лесные голуби, рябчики тут же появлялись на больших блюдах. Хорошо зажаренные, без всяких пряностей, чтобы великолепный вкус птицы ничем не перебивать. Тушки были лишь посолены и немного присыпаны перцем – самую малость, больше и не нужно, повара знали свое дело. К птице подавали самое светлое пиво и легкое трехлетнее красное.

Тут уже господин Кёршнер оставил Увальню и решил, что настало время для серьезного разговора. Так как Волков сидел по левую от главы дома руку, то купец мог говорить тихо. Так он и говорил:

– Все в городе только и твердят о вашем угле. Мало кто мог поверить, что вы из кантонов сюда уголь привезете. До сих пор удивляются. Говорят, что пристань вы не зря поставили, что оттуда думаете по всей реке торговать. Весь Мален о том только и перешептывается.

Волков, с удовольствием разрывая рябчика, кивал: да, ему уже о том известно.

– Думаю, до наступления тепла вы весь уголь распродадите. Ваш племянник на удивление способный молодой человек, уж как мне ни обидно, но приходится ставить его в пример моим сыновьям и племянникам.

И про то, что Бруно Фолькоф умен и ответственен, кавалер и сам знал. Волков опять согласно кивал, он все ждал, когда эти прелюдии закончатся и купец перейдет к делу.

– Ничего не упускает ваш племянник, все записывает, на слово никому не верит, все пересчитывает – для его лет сие редкая разумность, будет большим купцом.

– Очень на то надеюсь, – отвечал кавалер и тут же, беря новую жареную птичку, добавлял: – Ах, что у вас за повара, я попрошу по старой памяти святых отцов из инквизиции проверить их, уж не колдуны ли они.

Все за столом смеялись шутке. А те, кто шутку не расслышал, переспрашивали, про что она. Даже вечно серьезный фон Клаузевиц рассмеялся.

– Прошу вас, дорогой родственник, не налегайте на птицу, – умолял его купец, – у нас еще красная рыба будет, везли ее от холодного моря в бочках со льдом, вкус у нее изумительный,

и лучшие лимоны к ней будут, и вино белое, а потом еще и барашек молодой, уже томится в камине на углях.

– Желаете умертвить меня едой, дорогой родственник? – смеялся Волков.

И опять все смеялись вместе с ним.

– Врагам не удалось убить меня ни железом, ни ядом, так вы меня ягненком собираетесь добить? – продолжал шутить кавалер.

Но купец его убивать не хотел. Посмеявшись со всеми, он снова тихо продолжил свой разговор:

– Уже все в городе говорят, что будет до ваших владений дорога, хоть граф тому противится и козни против строит. Говорят, что дело решенное. Что многие купцы, гильдии и даже коммуны желают вступить в концессию.

– Что ж, пусть вступают, – сказал кавалер с видом безразличным, словно это все мало его заботило.

– Пусть-пусть вступают, – кивал господин Кёршнер, – но речь-то они ведут о дороге только до ваших владений. А дальше-то что? Весной и зимой дальше они как ездить думают? По глине да по воде лошадей надрывать?

«Уж не вы ли, мой дорогой родственник, хотите дорогу дальше, до пристани, строить?»

– Об этом я тоже думаю, – говорил кавалер.

– И правильно думаете, – продолжал Кёршнер. – Дорога хорошая, что в любое время года доступна будет, дело недешевое. Знаю я, что в средствах вы ограничены из-за войны. Ходят слухи, что собираете вы большую армию к лету.

Кавалер посмотрел на купца и ничего не сказал, как и бургомистру. Пусть думают что хотят. Кёршнер собирался уже продолжить, да тут к ним подошел лакей и поклонился.

– Ну, чего тебе? – раздраженно спросил его купец. – Не видишь, дурак, люди разговаривают. Говори, чего хочешь?

– К господину кавалеру фон Эшбахту монах прибыл, – сообщил лакей.

– Монах? Какой еще монах? – воскликнул купец. Ему этот монах был ох как некстати, он как раз такой серьезный разговор с гостем затеял.

– Монах от епископа, – сообщил лакей.

– От епископа? – Господин Кёршнер был уже более мягок.

– Да, от епископа. Спрашивает господина кавалера. Прикажете звать?

– Нет, – Волков покачал головой, вылезая из-за стола и бросая салфетку рядом с тарелкой, – не зови, сам пойду спрошу, что ему нужно.

Глава 8

На вид монах был из тех, кто не от сладкой жизни подался в монастырь. К тому же оказался крив: правый глаз его был навеки зажмурен.

– Ну? Говори, – начал Волков, оглядывая монаха.

– Его высокопреосвященство занедужил, просит вас быть, – взволнованно отвечал монах.

– Высокопреосвященство? Это архиепископ. Что, в Ланн меня просят быть? – удивился кавалер.

– Ой, нет. Не в Ланн, не в Ланн. Я перепутал. К нашему епископу, к отцу Теодору, – поправлялся монах.

– А что случилось? Что за хворь с ним приключилась?

– Не знаю, господин, – отвечал монах как-то натужно.

«Убогий какой-то, среди монахов таких немало».

– Мне велено было вас сыскать да позвать в дом епископа, – бубнил монах.

Будь кавалер трезвее, так обязательно спросил бы, как монах его нашел, но, поскольку выпил изрядно, велел только:

– Беги к епископу, скажи, что сейчас буду.

Он вернулся в обеденную залу, где продолжались пир и веселье, и сказал:

– Господа, нас просят быть у епископа.

Молодые люди стали подниматься, а господин Кёршнер спросил взволнованно:

– Что случилось, кавалер?

– Епископ захворал, просит быть, – отвечал Волков коротко.

– Очень надеюсь, что с епископом все будет в порядке, – вздохнула госпожа Кёршнер.

– Надеюсь, что вы вернетесь, – улыбнулся купец.

Волков обещал им, что если хворь епископа отпустит, то они обязательно вернутся.

Отчего-то он волновался. Зачем епископ зовет его так спешно, в час, когда уже приближаются сумерки и все нормальные люди сидят за столом? Что могло случиться? Даже если епископ и захворал, зачем он зовет Волкова, а не лекаря? Почему не написал письмо, уж два слова мог чиркнуть. Или совсем плох епископ? Может, что-то граф затеял?

На дворе, когда кавалер уже садился в седло, а Увалень держал ему стремя, Волков окликнул Максимилиана:

– Максимилиан, пистолет при вас?

– Да, кавалер.

– Зарядите. Господа, прошу всех вас быть настороже.

Выехали со двора купца, на улицах еще былолюдно. Волков возглавлял отряд, за ним Максимилиан, он на ходу заряжал оружие. Зарядил и передал кавалеру. Тот засунул пистолет за пояс сзади слева. Под левую руку.

От дома купца, сразу направо за угол от ворот, была улица Святого Антония, которая как раз вела к кафедральному собору, а оттуда уже рукой подать до резиденции епископа. Так и поехали.

Горожане заканчивали дела. Лавки запирались. Ставни затворялись. Последние рассыльные с пустыми тачками спешили домой. Кто-то стоял на пороге своего дома, болтал с соседом, кто-то зажигал лампу перед домом – солнце-то уже садилось.

У одного проулка кавалер увидел троих людей, что на старой пустой бочке играли в кости. Люди были при оружии, непростые люди. А у стены стояли протазан и крепкая алебарда. На городскую стражу людишки непохожи. «Отчего на промозглом сыром ветру играют, а не в теплом кабаке? Охрана чья-то? А чья, дома тут небогатые? – Он ехал и внимательно смотрел на них. – Все в бригадинах, они из добрых людей или... разбойников?»

И тут Волков вновь заметил человека, что уже сегодня видел. Это был тот человек, с которым он встретился взглядом, и тот глаза свои отвел. На этот раз господин был пешим. И опять он, едва взглянув на кавалера, глаза отвел и стал говорить со своими спутниками. А спутников с ним было двое, и оба при оружии. И как наитие снизошло на Волкова, как открылось ему. Он вспомнил, что видел этого господина у церкви, когда прощался с епископом, и там, у церкви, человек тоже был пешим. Это уже странно. Уж слишком много с этим господином опасных людей.

В воинском деле все просто: коли видишь что-то странное, так будь готов к тому, что странность эта обернется бедой. Чутье спасало кавалера не раз и не два, товарищи всегда ценили его за наблюдательность и внимание. Именно эти его качества спасали от засад и внезапных атак. А тут вон всего сколько, одно к одному ложится: глупый монах, неожиданный вызов к епископу, добрые люди при алебардах и протазанах на улице, играющие в кости, странный господин, которого он сегодня видит уже в третий раз, и к тому же он с опасными спутниками. «Нет, все это неспроста. Неспроста».

– Стойте! – крикнул кавалер, поднимая руку, и сам остановил коня.

Увалень и фон Клаузевиц остановились сразу, а Максимилиан проехал чуть вперед.

Играющие в кости как по команде устали на него, про забаву забыли сразу. Один из них, как бы между делом, взял от стены протазан в руку. Они втроем глядели на оруженосца Волкова, словно его знали.

И ведь уже не повернешь, не поедешь назад. Беда была в том, что кавалер и его спутники уже миновали играющих, эти трое оказались позади. А поскачешь, так на протазан и алебарду налетишь. Волкову и его людям ну никак нельзя было вернуться, чтобы не сцепиться с этими тремя на узкой улице. А сбоку из темноты проулка уже шел к ним господин с двумя спутниками, а у спутников-то тоже алебарды. Видно, до нужной поры к стенам были прислонены, чтобы в глаза не бросались, а тут, кажется, уже понадобились.

Увалень, фон Клаузевиц и Максимилиан еще ничего не понимают – озираются. Дети малые, да и только. Даже Георг и тот оглядывается по сторонам, все еще почти безмятежен.

Кавалер присмотрелся – возможно кинуться вперед, но, скорее всего, и там их ждут. Ну конечно, так и есть. Из ворот сгнившего дома выходят добрые люди. Их трое, тащат за собой рогатку, которой стража ночью перегораживает улицу. У них тоже копыта и алебарды. У этих господ и в людях, и в оружии явный перевес. А еще... Кавалер уверен, что у них где-то должен быть стрелок.

Больше сомнений у Волкова не было.

– К оружию, господа! – крикнул кавалер, выхватывая меч. – Это засада, скачем назад, все назад, к дому купца!

Он развернулся и, чуть не сбив с ног лошадь Увальня, со всей прыти, со шпор, кинул своего коня на тех троих, что играли в кости у бочки, – если их смести, Волков и его люди смогут ускакать обратно.

И ему это почти удалось. Со всего маха он врезался в них, они все вместе, опрокидывая бочку с костями и уронив алебарду, упали на мостовую. Загвоздка лишь в том, что тот мерзавец, что взял протазан, прежде чем упасть на камни, встретил кавалера, как положено опытному солдату, – он загнал оружие в грудь коня Волкова, загнал на все лезвие. Конь тут же повалился на передние ноги, а кавалер через его шею и голову, теряя меч, полетел в кучу сбитых наземь и опрокинутых на стену дома разбойников.

Он больно стукнулся больным коленом о брусчатку, кто-то пнул его сапогом в бок сильно. Конь за шестьдесят талеров захрипел, заливая все вокруг своей кровью, и тут же свалился почти сверху на барахтающихся людей, принялся бить копытами в агонии. Кто-то копошился рядом, крепкой рукой пытаясь схватить Волкова за горло, но противнику удалось лишь вцепиться в ворот колета и потянуть на себя.

«Свалка? Опять? Да когда же это кончится?» Волков подумал о том, что всю свою взрослую жизнь мечтал о том моменте, когда ему больше не придется драться. «Слава богу, что надел свой колет, а лучше бы кирасу и шлем». Но пока он так думал, рука по старой привычке уже искала за голенищем сапога стилет. Вот он, родной! Лег в ладонь, как будто и не покидал ее никогда.

Кавалер ударил копошащееся рядом тело. В железо! Ударил еще раз, сильнее. В железо! Еще! Опять в железо, как бы руку своим же оружием не распороть. Но он все равно ударил еще раз, и лишь теперь старая сталь нашла свою кровь. Руку обожгла чужая кровь. Враг заорал резко, стал отползать от него, отбрыкиваясь, но он еще раз удачно загнал клинок в мясо. Напоследок, так сказать.

А кругом шум, звон железа, крики.

– Бей коней, бей коней! – истошно орал кто-то.

Звонко и жалостливо заржал молодой конь, кажется, это конь фон Клаузевица.

Сумерки становились все гуще, но на земле Волков заметил белую полосу – это его меч, вот это радость! Он нащупал эфес – да, это он, его драгоценный меч. Кавалер встал, оглянулся, оценивая ситуацию.

Максимилиан один на один дрался с большим и тяжелым мерзавцем. Тут придется нелегко, но молодой человек быстрее здоровяка и не стоит на месте, хотя враг пытается наседать на него и теснить.

Александр Гроссшвулле – вот уж кто молодец: один своей огромной алебардой сдерживал троих – тех троих, что перегородили дорогу рогаткой. Александр вообще не умел пользоваться алебардой – размахивает как оглоблей, ничего он врагам сделать не может, и не рубит, и не колет, страх больше нагоняет, а на него сыпятся удары, он словно собирает все их выпады на себя. Но Увалень за неимением легкой брони надел свои основные доспехи, и теперь его не так-то легко взять в его кирасе, шлеме, стеганке и укрепленных железом сапогах. Сволочи пытались попасть ему по рукам и в лицо, но его алебарда весьма велика, а он так рьян, что у мерзавцев пока ничего не получалось.

Фон Клаузевиц сцепился с двумя, один из которых тот самый бородатый господин, а второй – крепкий, весьма крепкий мужчина с алебардой. Казалось бы, нет у молодого человека шансов, но не зря, не зря Георг вызывался быть чемпионом кавалера. Он очень ловок, особенно хороши его ноги. Ноги сильные, движения их быстры, пружинисты, что ни шаг, то верная позиция для защиты, еще быстрый шаг – и верный, очень опасный выпад, что едва не закончился на лице господина. Меч фон Клаузевиц держит так легко, что, кажется, вот-вот выронит. Но ничего он не выронит. Шаг назад, и алебарда, которая должна была разрубить ему ногу, пролетает мимо, рассекая лишь воздух, а Георг тут же кидается вперед и в длинном выпаде тянется, тянется клинком... И достает!

– А-а! – орет мерзавец с алебардой, и та со звоном падет на мостовую. А сам враг, схватившись за бок и покачиваясь, спешит прочь, в проулок.

Фон Клаузевиц достал его, достал, загнав клинок меча на два пальца прямо в его незащищенную доспехом часть тела, в подмышку. Фон Клаузевиц смог избежать пары ударов и сделать свой великолепный выпад так быстро, что кавалер и до пяти не успел бы сосчитать. А Георг уже нарисовал мечом в воздухе дугу, стряхивая с клинка капли крови и как бы приглашая господина продолжить: ну, давай, мол, начинай.

И вдруг Георг схватился за голову. За левую сторону головы, что выше уха. Схватился, покачнулся и... выронил меч. А потом снова пошатнулся. Сделал шаг, переставив ноги, словно пытаясь не упасть. Тут уже бородатый господин ударил его наотмашь тесаком, слева направо. Быстро, точно, сильно. Георг фон Клаузевиц падал на брусчатку уже, кажется, мертвым.

Видя это, Волков спрятал стилет в сапог и левой рукой достал из-за пояса пистолет. Он знал, отчего лучший его фехтовальщик выронил меч. Нет, кавалер не видел за ухом молодого

рыцаря торчащего оперения болта. Просто знал, что оно должно оттуда торчать, а еще он понимал, откуда был произведен выстрел.

Локтем правой руки, которой он держал меч, Волков откинул крышку с пороховой полки и сразу поднял оружие. Кавалер не мог ошибиться: он сам бы выбрал именно это место. И опыт десятков лет на войне Волкова не подвел – арбалетчик и вправду сидел на сарае, на одном из скатов его крутой крыши, совсем рядом, прямо над схваткой. Оттуда ему все было отлично видно, все цели как на ладони, но и его черный силуэт отчетливо вырисовывался на розовом фоне предсумеречного неба.

Колесико со свистом завертелось, высекая маленький снопик белых искр. Шипение! Пах!!!

По крутой крыше сарая рассыпались и покатались болты один за другим, а потом пополз вниз и арбалет. Арбалетчик схватился за правый бок и стал на седалище съезжать по крыше, пока не спрыгнул за забор.

С этим было кончено.

И тут каким-то чудом, наитием, краем глаза Волков увидел движение слева от себя. Не иначе то было провидение Господне. Кавалер отпрянул, а пистолетом словно закрылся от чего-то того, чего не смог разглядеть, – и этим спасся. Удар алебарды пришелся ему не на голову, а на пистолет и на левое плечо. Он уже и забыл, как болело это плечо, хорошо его тогда монах из Деррингхофского монастыря вылечил, но теперь кавалер вспомнил эту боль. Пистолет отлетел в сторону к мертвому коню, а перед ним уже опять человек с алебардой – видно, из тех, что сидели у бочки, да еще тот господин бородатый, будь он проклят.

В левом плече острая боль, но никто не станет ждать, пока она пройдет. Снова бандит размахивает алебардой, а за ним и бородатый с окровавленным тесаком – вот они, тут. Уворачиваясь от алебарды, кавалер сделал выпад. Да нет же, до фон Клаузевица ему далеко. Бородатый легко отвел его меч и сам ударил его под правую руку, в бок. Господи, благослови того ламбрийца, что пришил кольчугу под его колет! Слава богу, кольчуга выдержала. Но удар у бородатого такой, что дыхание у кавалера перехватило. А тут снова, да со всей силы, разбойник, что слева, замахнулся на него алебардой.

«Да будь ты проклят!»

Здоровый, собака, широкий в плечах, морда перекошенная, злая. Попадет, так никакая кольчуга не поможет. А размахивается он так, что и мысли у кавалера нет защититься, только отступать. А много он на своей больной ноге не набегает. А тут еще и бородатый лезет со своим тесаком. Заходит сбоку, так и норовит рубануть справа.

Вечер, зеваки попрятались, смотрят из-за углов. Бабы, правда, кричат: «Убивают, стража, убивают!» – но, кажется, то дело пустое. Дело дрянь, тянуть нет смысла. Появится стража городская или нет, непонятно, а может, ей заплатили за то, чтобы она тут не появилась.

Сейчас Увалень упадет, ему уже тяжело, даже отсюда видно, что он устает, да и бурые пятна на полах стеганки не сами по себе появились. Максимилиан все скачет, он еще бодр, но ничего со своим противником он сделать не может. А эти двое наседают на кавалера, и не устают, и вступать в переговоры с ним не собираются. Все, что им нужно, так это убить его.

И опять, опять его выручил солдатский опыт. Казалось бы, все, уже и надежды нет, но драться нужно всегда до конца – так он и раньше выходил живой из всякой безнадёги. Волков отбил очередной удар алебарды – на сей раз бандит его пытался заколоть – и сделал выпад, чтобы достать бородатого. Тот отпрянул, а кавалер, пока появилась пара мгновений, развернулся и, стиснув зубы от боли в ноге, кинулся прочь, побежал, хромя, к Максимилиану и его здоровяку. Пока бородатый и бандит с алебардой поняли, что происходит, пока кинулись следом, Волков был уже в пяти шагах от здоровяка.

– Шульц, сзади! – кричал бандит с алебардой, топая сапожищами за кавалером.

– Сзади, сзади, Шульц! – надрывно орал бородатый, тоже торопясь за ним.

Но не докричались они, не успели немного. Шульц уже повернулся к Волкову, изобразил удивление и попытался поднять свой большой фальшион, но Волков дотянулся, рубанул его по руке. Противник заорал, роняя оружие, и тут же получил колющий удар в горло – это Максимилиан постарался, убил его одним ударом.

– Под левую руку! – кричал кавалер, оборачиваясь к догоняющим его разбойникам.

Но Максимилиан полез не туда.

– Под левую мою руку, болван! – продолжал кричать Волков.

И оруженосец услышал, стал чуть сзади его левого плеча. Все остановились – и Волков с Максимилианом, и разбойники. Стояли, переводили дыхание.

Не будь у врагов алебарды, кавалеру пришлось бы легче, но этот длинный топор в сильных руках бандита все портил. Волков это понимал, чего уж тут непонятного. А еще три разбойника уже загнали Увальню к воротам и просто рубят его, он почти не отбивается, отталкивает своих противников древком, и все.

Бабы на улице орут и орут, зовут стражу, но стражи нет.

Волков чуть поворотил голову к Максимилиану и сказал негромко, чтобы слышал лишь он:

– Около моего коня, вот там, пистолет. Как они атакуют, делайте вид, что бежите. Зарядите его, слышите?

– Да, кавалер, – так же шепотом отвечает молодой знаменосец.

Ждать долго не пришлось. Едва Максимилиан договорил, бородатый, видно отдышавшись, махнул тесаком: вперед. И разбойники кинулись на Волкова, а Максимилиан побежал прочь, словно хотел скрыться в проулке.

Сразу пришлось уворачиваться от алебарды. Опять этот здоровый мужик наседал, передохнуть не давал.

«Продержаться бы, пока он зарядит пистолет!»

Волков все ждал, пока этот мерзавец «просядет», хоть чуть замешкается при выпаде, даст ему хоть один шанс, чтобы скользнуть мечом по древку и разрубить разбойнику руку, да какой там... Бандит опытен. Да и бородатый не дает и движения лишнего сделать. Волков только отходил, только отбивался.

«Да где же этот Максимилиан с пистолетом?!»

И чудом, чудом кавалер сильным ударом меча отвел алебарду, когда бандит хотел проткнуть ему левую ногу, и тут же, опять же чудом, отвел рубящий удар бородатого, который решил раскроить ему голову ударом справа. Когда тебя пытаются убить, а ты ждешь помощи, время тянется на редкость неторопливо, словно выжимая из тебя все силы и последние надежды.

«Ну где же Максимилиан, черт его задержит?!»

Ему уже не хватало воздуха, а враги его хотя и заметно притомились, но все равно были еще рьяны. И тут Волков увидел Максимилиана. Тот быстро подходил со спины к его врагам. В одной руке меч, в другой... пистолет!

Спокойно приблизившись к алебардисту сзади, он поднял пистолет.

– Бородатого! – крикнул Волков, так как именно он был у разбойников главным.

Но колесико уже высекало искры. Ретивый разбойник и тут успел обернуться, но, кажется, даже удивиться ему не пришлось: порох выплеснул ему прямо в лицо дым, пламя и железную пулю, которая, разнеся ему голову, вырвала кусок затылка, забрызгав кровью и Волкова, и бородатого.

Бородатый на то взглянул раздосадованно и тут же получил хороший укол от Волкова. Кавалер дотянулся в длинном выпаде и воткнул меч ему в левую руку, чуть выше локтя.

Бородатый отскочил, схватился за рану, огляделся. Нет, дураком он не был – еще дым не рассеялся, а он уже быстро уходил в проулок, на ходу наотмашь рубанув Максимилиана

своим тесаком. Бил в голову, но юноша успел закрыться, и удар пришелся на руки, в которых он держал пистолет и меч. А там, спасибо сеньору за подарок, рукава ламбрийской кольчуги, они удар выдержали, кости тоже. Ну а боль с синяками пройдут.

Волков хотел пойти догнать бородатого и обязательно, обязательно убить его, причем убивать его болезненно и долго, но сил у него не было совсем. Ребра справа болели, левое плечо ныло, нога опять же, куда же без нее, и, главное, ему не хватало воздуха. Кажется, он стар становился, как старику ему не хватало дыхания.

– Лекаря, – послышалось на улице, – лекаря зовите!

– Лекаря и стражу! – откликнулись из сумерек с другого конца улицы.

А он стоял, опираясь на меч, тяжело дышал и больше ничего сделать не мог. Даже говорить сейчас оказался не в силах.

Глава 9

Александр Гроссшвулле сидел на коленях на мостовой, весь, весь он был в крови. Его большая алебарда лежала перед ним, а он, на удивление безучастно, рассматривал свои изрубленные руки. Почти все лицо его, особенно левая часть, было в рассечениях, рассечениях глубоких, на левой скуле даже кости лица виднелись. Кровь стекала на подбородок и оттуда на кирасу. Волков, пряча меч, подошел к Увальню, присел рядом, стал осматривать раны.

– Ничего, ничего, глаза целы – это главное. Останутся шрамы, но это ерунда, красавчиком вы все равно не были. Черт! – Кавалер поглядел на его изрубленные руки. Особенно плоха была левая рука. Волков вскочил и заорал: – Телегу мне! Талер за телегу!

Из домов стали выбегать люди, они уже несли лампы, так как сумерки почти превратились в ночь. Они ужасались: по всей улице убитые люди и кони. Они шептались:

– Это фон Эшбахт?

– Он. Я его узнал. А это люди его.

– А с кем же они бились?

– Да почему же мне знать!

– Может, горцы?

– Может, и они.

Но Волков все кричал:

– Есть у кого телега?

– Господин, у меня тачка, – отвечал молодой горожанин. – Этого господина я смогу отвезти на ней к доктору Берку.

– Да-да, – соглашались другие люди, – отвези истерзанного господина, Ганс, доктор Берк тут недалеко живет и недорого берет.

Пока Ганс вывозил из подворотни свою тачку, на которой развозил днем овощи, пока все вместе укладывали на нее Увальню, появился пристав с двумя стражниками. Он стал выяснять, что произошло, попытался поговорить с Волковым, но кавалер был с ним груб. И тогда пристав говорил с Максимилианом. А как узнал от него все, так тут же послал людей к коменданту и начальнику городской стражи, а заодно велел им забежать к первому городскому судье.

Волков тем временем уже хромал возле тачки, на которой горожанин Ганс вез Увальню к доктору. Кавалер держался за борт тачки. Он бы взял Увальню за руку, не будь руки того так изрублены. Впереди и позади тачки шли люди: и мужчины, и женщины. Несли фонари, освещающие темные улицы, возбужденно разговаривали. Другие горожане, прервав ужин, открывали окна и кричали сверху:

– Эй, Дитрих, какого черта вы не спите? И куда вы все собрались?

– У нас на улице был бой, куча убитых! – радостно сообщал Дитрих.

– А кто с кем дрался?

– Говорят, какие-то бриганты напали на господина фон Эшбахта и его людей, и тот с ними бился прямо на нашей улице! Куча убитых, вся улица в убитых! Уже стража прибежала, говорят, что послали за комендантом и судьей, – рассказывал горластый горожанин.

– А куда вы идете?

– Везем израненного человека фон Эшбахта к доктору Берку.

– Что за глупцы! – кричали из другого окна. – Доктор Берк болван, он и лишай не вылечит. Везите раненого к доктору Вербенгу. На Капустную улицу! Подождите, я с вами!

Пока добрались до доктора Берка, уже собралась толпа человек в сто. Все были возбуждены, переговаривались. Многие кинулись помогать заносить Увальню к доктору в дом.

Доктор Берк и вправду оказался болваном.

– Что вы делаете? – рычал кавалер, видя, как доктор собирается заматывать раны на руках тряпками. – Вы что, не собираетесь сначала их промыть?

– А зачем? – спросил доктор. – Да и чем их промывать?

– Не знаю. – Волков вспоминал, чем промывал раны брат Ипполит. – Отваром чистотела или раствором прополиса.

– Нет у меня ничего такого, – признался доктор. – Да вы не волнуйтесь, сейчас на малые раны наложим бинты, а большие раны смажем мазью с кошачьей слюной, они зарастут так быстро, что вы и выспаться не успеете.

– А с этим что вы собираетесь делать? – спросил кавалер, указывая на торчащую из кисти руки Увальня белую кость.

– По опыту скажу, что если Господу будет угодно, то само все срастется, – заверял его доктор Берк. – А если нет, то нет.

– Дурак! – Волков поднес к носу доктора кулак. – Разбить бы тебе морду.

– Так за что же? – искренне удивлялся доктор.

– За то, что время с тобой потерял! – заорал кавалер. – Эй, люди, берите раненого. Где живет доктор Вербенг?

Вербенг, что обитал на Капустной улице, оказался доктором, несомненно, иного уровня. Он был немолод и опытен. Сразу велел служанке ставить воду на огонь и говорил Волкову, оглядывая раны Увальня:

– Нет нужды волноваться, господин фон Эшбахт, я сделаю все что нужно.

– Вы умеете зашивать раны?

– Не волнуйтесь, я все умею. Эй, люди, кладите раненого на стол. Сначала нужно его раздеть. А вы, господин Эшбахт, ступайте по делам, раньше рассвета не возвращайтесь, работы тут много.

Волков смотрел на него с подозрением. Уж очень он волновался за Александра, боялся, что костоправ-неумеха сделает из молодца калеку. Но, кажется, этот доктор понимал, что делал, поэтому стоять над душой у него кавалер не хотел.

– Я вернусь, а вы уж постарайтесь, – говорил он весьма обещающим тоном.

Доктор в ответ только поклонился.

Кавалер вернулся на улицу Святого Антония, а там полно народа. Комендант города, капитан городской стражи – он обоих знал, они уважали его, а он их. Также был всякий иной люд, в том числе кавалер увидел главу гильдии оружейников и других нобилей. Приехал и господин Кёршнер, привел с собой полдюжины вооруженных слуг. Но к военным господа нобили пока не приближались – понимали, что те заняты делом. Даже Кёршнер не лез к кавалеру с расспросами по-родственному, ждал, пока тот обратит на него внимание. Но Волкову и офицерам было не до зевак, даже до знатных.

Всех убитых, а их было пятеро, сложили у стены. Фон Клаузевица положили отдельно. А к забору напротив были привязаны две живые лошади – одна Максимилиана, вторая фон Клаузевица. Одна была ранена, лошадь Волкова и лошадь Увальня убиты. Тут же у забора было сложено найденное оружие.

Комендант, старый солдат, поклонился ему вежливо, просил осмотреть убитых.

Волков молча осмотрел убитых бригантов. Максимилиан ходил за ним, тоже разглядывал мертвецов. Первым лежал тот, которому фон Клаузевиц загнал меч в подмышку. Он тогда бросил алебарду и ушел, да, видно, недалеко. Второй был убит Волковым – исколот стилетом. Стиллет в двух местах пробил бригантину бандита. Один прокол темнел кровью прямо у сердца. «А рука-то у меня еще крепка». А третий и четвертый – дело рук Максимилиана. Одному он разнес голову выстрелом из пистолета, второго зарубил, когда тот отвлекся на атаку кавалера. «Мальчишка-то вырос. Молодец. Рука уже не дрожит, как в подвале в Хоккенхайме».

– Должен быть еще один, – сказал кавалер коменданту, указывая на забор, – он был там, я попал ему в бок. Вряд ли он далеко ушел.

Тут же два стражника пошли смотреть за забор, а комендант спросил:

– Кавалер, а сколько бригаентов было вообще?

– Девять, кажется, – ответил Волков.

– А вас сколько? Всего четверо? – значительно спросил старый комендант.

В другой раз Волкову оказались бы приятны эти значимость и видимое уважение в вопросе. Но сейчас, когда тут, в пяти шагах от него, лежал на мостовой рядом со своим мечом его чемпион, молодой рыцарь Георг фон Клаузевиц, ему это не очень-то польстило. Он просто молча кивнул. «Да. Четверо».

– Все городские ворота закрыты, – доложил, подходя к ним, капитан городской стражи. – Сейчас я начну проверять все кабаки города. Может, кого и найдем.

Тут пришли два стражника, что были за забором, принесли арбалет и пару болтов:

– Вот, валялись там, но самого стрелка там не было.

Комендант указал, куда им положить арбалет.

– Арбалетчик был ранен? – уточнил комендант города.

Волков молча кивнул.

– Если среди бандитов есть раненые, они будут искать лечения, – предположил комендант.

– Да, верно. Пошлю гонцов ко всем докторам и лекарям, чтобы сообщили о подозрительных людях, – произнес капитан стражи.

– А сможете вы, господа, обыскать дом графа? – спросил вдруг у них Волков.

Комендант и капитан переглянулись. Шутка ли, обыскать дом самого графа. Оба молчали, но коменданту как старшему пришлось отвечать:

– Только если бургомистр прикажет или первый городской судья.

– Тогда вы никого не найдете. – Кавалер спокойно пожал плечами. – Можете распустить людей по домам спать.

И как раз вовремя на улице появилась дорогая карета и форејторы с факелами впереди нее.

– А вот и он сам, – заметил капитан стражи.

– Кто? Бургомистр? – удивился такой карете Волков.

– Нет, бургомистр у нас еще не так богат, это наш первый судья, – сказал комендант.

С первым судьей города Малена, господином Мюнфельдом, Волков тоже был знаком, не раз судья на пирах сидел с ним за одним столом.

– Друг мой! – Судья протянул к кавалеру руки и обнял его. – Как услышал об этом злодеянии, так сразу приехал сюда. Соболезную вам, дорогой наш господин фон Эшбахт. Говорят, что в схватке с бригантами, с этими подлыми разбойниками, погиб ваш человек.

– Мой лучший человек, мой чемпион, – отвечал кавалер.

Судья подошел к лежащему на мостовой рыцарю, стал креститься.

– Господь да примет душу этого славного юноши. Думаю, что эти бриганты не из наших мест, но клянусь, я сделаю все, чтобы выяснить, кто зачинщик этого злодеяния, – говорил господин Мюнфельд.

Волков видел, как комендант и капитан стражи переглянулись и невесело усмехнулись. Но ему было не до усмешек, он просто спросил судью:

– Вы можете дать санкцию на обыск дома графа?

– Что? – Судья, кажется, даже не понял вопроса.

– Думаю, что живые бриганты скрываются в доме графа, – разъяснял ему ситуацию кавалер. – Среди них есть раненые.

На улице было темно, лишь свет ламп горожан освещал местность да догорающие факелы стражи, но даже в этом свете Волков видел, как изменилось лицо судьи. Как сразу все тут ему стало неинтересно и скучно, и убитый молодой рыцарь уже мало его волновал, и он отвечал с заметной меланхолией в голосе:

– Друг мой, сие вопрос политический и разрешать его не в моей власти, пусть на то бургомистр дает добро, а уж я тут ни при чем. Совсем ни при чем.

– Политический? – переспросил кавалер.

Судья только развел руками, демонстрируя свое бессилие перед обстоятельствами.

Глава 10

Стражники, кажется, в тот вечер все трактиры и кабаки перевернули, у всех ворот были; опрашивали, кто последний выходил из города. Никого из стражи домой не отпустили, на стены свободных поставили для верности – ловкачи могли со стен спуститься по веревкам.

Еще до полуночи к месту приехал и бургомистр. Почему поздно приехал – да потому что сначала, как узнал о случившемся, поехал к епископу посоветоваться. И тот наказал ему привезти кавалера.

– Ждет он вас, друг мой, не спит, – ласково говорил первый консул города.

К тому времени Волков уже совсем силы потерял, молчал все больше, не мог уже ни злиться, ни ругаться, все равно спросил бургомистра:

– Вы дадите распоряжение обыскать дом графа?

– Нет, – сразу ответил господин Виллегунд, – такой серьезный вопрос может решить только совет города. Но не надейтесь. Никто не осмелится даже голосовать за такое – обыскивать дом графа. Нажить такого врага никто в здравом уме не решится.

«Ну хоть не юлит».

Приехала телега.

– Я распорядился отвезти тело несчастного рыцаря для омовения, – сказал бургомистр. – Епископ уже послал людей, чтобы начали читать над ним панихиду, об этом не беспокойтесь. Поедьте к епископу, он ждет вас.

Волков не без труда влез в бедную карету бургомистра, Максимилиан ему помогал. И в сопровождении четырех стражников во главе с сержантом они поехали в дом епископа. Бургомистр сначала думал говорить с кавалером, расспрашивать или успокаивать, но, видя его мрачное настроение, разговорами донимать передумал. Доехали до дворца епископа быстро: было тут недалеко.

Отец Теодор встретил в прихожей, не поленился спуститься. Обнимал тепло, приговаривая:

– Сие все приличия переходит. Буду писать брату моему, епископу Вильбургскому, и самому курфюрсту писать буду.

Волков усмехнулся: «Вот уж оба они и порадуются».

– И бургомистр напишет герцогу, – продолжал отец Теодор. – Виданное ли дело – устраивать нападения на значимых персон прямо в городских стенах.

– Что за пример граф показывает другим господам, – поддакивал бургомистр. – Этак любое дело можно решить наемными бригаантами. Ни совет городской не нужен, ни суд. Нанимай разбойников да режь соперника на улице.

Так за разговорами, медленно из-за епископа, они поднялись по лестнице и, войдя в залу, где горел камин, расселись в кресла.

– Ваши люди, кроме фон Клаузевица, живы?

– Один порублен, но жить будет, – ответил Волков.

– Жаль молодого рыцаря, фамилия-то бедная, но славная. Думаю послать к его старшему брату человека с сообщением, – продолжал епископ. – Я сам прочитаю панихиду по нему.

– Все расходы по похоронам город оплатит, совет не посмеет артачиться, – заверил бургомистр.

«Ну а теперь к делу, господа, не для этих панихид вы меня сюда звали».

Так и вышло, слуга принес им вино и закуски, ушел, и епископ, даже не притронувшись к своему бокалу, заговорил:

– Вижу, что спокойны вы, кавалер. Думаю, что слушаете вы нас, слушаете, а сами для себя все уже решили. И вот хотели бы мы знать, что вы решили.

Волков взял свой стакан, стал вертеть его в руках, ничего не отвечая на вопрос.

– Думаем мы, что вы отважитесь на поступок, что повредит вам сильно, – предположил бургомистр.

– Может, и повредит, но кем я буду, если не отвечу на удар? – спросил у него Волков. – Так всякий думать станет, что меня безнаказанно бить можно.

– Уж никто так не думает, – заверил его господин Виллегунд, – иначе как в превосходных степенях о вас сейчас никто и не говорит. Слыхано ли дело, вчетвером дюжину добрых людей одолеть.

Но ни лесть, ни честное восхищение его сейчас не трогали.

– Их было десять, и были они разбойники, – ответил кавалер, но сам сомневался в своих словах, уж больно умело людишки те владели оружием. Нет, не от дорожного промысла те люди.

– Рыцарь, – вкрадчиво заговорил епископ, – бургомистр волнуется, и волнуется обоснованно. Боятся господа советники, что развяжете вы тут войну.

– Так она вроде уже и развязана, – заметил Волков. – Бои у вас в городе уже идут, бургомистр.

– Все так, да, все так, но прошу вас не усугублять, прошу вас не нападать на дом графа, – заговорил первый консул города Малена.

– Не нападать? – удивился кавалер. – Так там, мне кажется, и сидят убийцы фон Клаузевица. И мерзавец фон Эдель, которого я подозреваю в организации нападения, там же скрывается.

– Да, возможно, сие правда, но советники очень обеспокоены. Очень. Уже они собрались и решили поставить стражу у дома графа, – предупредил бургомистр.

– Как проворны ваши советники, когда им страшно, – усмехнулся Волков. – Ночь на дворе, а они уже собрались и все решили.

– Дорогой мой кавалер, коли вы решили с графом сводить счеты, то прошу вас делать это за стенами города.

– Граф делает это прямо в стенах! – воскликнул Волков.

– Прошу вас, кавалер, – бургомистр покачал головой, – боюсь, что этим вы напугаете советников еще больше, и тогда фон Эдель добьется своего.

– А чего же он добивается?

– Добивается он того, чтобы вам воспретили въезд в город, – произнес бургомистр, чуть помедлив.

«Мерзавец, что же ты днем мне этого не говорил?»

– И замок графа брать не следует, – добавил епископ, – этим вы всех против себя ожесточите. За глаза вас и так местные сеньоры не раз величали раубриттером, жаловались на вас.

– Никого из местных я не трогал.

– Верно, но они считают, что вы ворошите осиное гнездо за рекой, от которого все вокруг пострадать могут.

Волков посмотрел на попа тяжело и вздохнул. «Уж не тебе, чертов поп, о том говорить. Сам меня на это только и подстрекал».

– Нет-нет, – словно прочитал его мысли епископ, – я-то вас в этом не упрекаю, сын мой, я-то как раз не против, но послушайте меня, старика, сейчас не отвечайте графу на подлость грубостью.

– Именно так, – поддерживал его бургомистр.

– Вы рыцарь Божий, сиречь Божий агнец, ангел, что злобы не имеет.

– Предлагаете мне все забыть?

– Мы ответим иначе, – снова заговорил бургомистр. – Забегу вперед и скажу вам, что совет уже решил, что выделит треть надобной суммы для постройки дороги до ваших владений. Как сатисфакцию за нанесенное вам в стенах города оскорбление.

«Это дорога вам уже нужна больше, чем мне. Очень вы хотите добраться до реки, до пристаней. А преподносите это как сатисфакцию. Видно, понравился вам дешевый уголь, уже, наверно, купчишки ваши думают сами сюда его возить».

– И когда же совет успел принять это решение? – язвительно спросил кавалер.

– Совсем недавно, – уклончиво отвечал первый консул. – Осталось лишь утром решение совета оформить официально.

– Вот видите, – сказал епископ, – вот вам и ответ графу. Да и фон Эделя сильно покоробит это решение городского совета.

– Вы сказали, город даст треть суммы, – напомнил Волков, – а остальные деньги кто даст?

– О, об этом не волнуйтесь, дорогой фон Эшбахт, – уверил его господин Виллегунд, – на сей раз желающих войти в концессию предостаточно.

Когда бургомистр откланялся, епископ, тяжело вставая из своего кресла, обратился к кавалеру:

– Помните, я говорил вам, что вам будут целовать руки и кланяться, пока вы будете побеждать?

– Помню, – отвечал кавалер.

– Считайте, что сегодня вы одержали еще одну победу. Сатисфакция! – Старый епископ засмеялся. – Купчишки нашли повод строить дорогу, хоть граф и сильно противился этому. Только не испортите все глупым желанием отомстить сразу. Умейте терпеть, умейте ждать. Да, ждать и терпеть. Надо быть очень умным. Умным и терпеливым. Тем более когда имеешь дело с такими змеями, как Малены. Но сейчас они своей этой глупостью, этим разбоем, дали нам хорошие возможности. И мы их не упустим, обещаю вам, кавалер. Ступайте спать, завтра мы нанесем графу большой ущерб. Он еще пожалеет, что осмелился на нападение.

К Волкову подошла монахиня и сказала:

– Ваши покои готовы, господин. Ваш человек уже спать лег.

Да, у него были во дворце епископа покои, но, кажется, Волков уже хотел иметь в городе свой дом, чтобы не ютиться в гостях, а приезжать к себе. Но для этого нужно, чтобы горожане перед тобой не затворяли ворота, как перед буйным и безрассудным. Поэтому в дом графа он, конечно, врываться не станет. Старый поп прав, надо подождать.

Утром уже приехал брат фон Клаузевица с женой, с ним была и сестра. Это бургомистр отправил к ним посыльного еще ночью. Волков и епископ говорили с ними, утешали женщин как могли. Брату же Клаузевица кавалер сказал, что Георг был примером всем остальным молодым господам и что он сам вызвался быть его чемпионом бескорыстно в трудный момент, хотя Волков его о том и не просил.

– Он всегда был таким, – говорил брат.

Родственники не спрашивали у Волкова, кто виновен в смерти Георга, нужды в том не было. Весь город, весь так и исходил слухами, что в злодеянии этом повинен граф и его придворный, фон Эдель.

– Уж и не знаю, как фон Эдель будет выбираться из города, если он еще тут, – говорил шепотом бургомистр Волкову. – Люди злы, и все на вашей стороне, кавалер. Все жалеют молодого фон Клаузевица. Сегодня на рыночной площади какие-то наглецы кричали, что надобно графу запретить въезд в город, раз он так бесчинствует.

Говорил он это таким тоном, что Волкову стало понятно, что не без участия бургомистра в городе так кричали. «Надо же, бургомистр норовит прямо-таки лучшим моим другом стать, впрочем, друг мне сейчас никак не помешает».

Родственники были не против, и епископ решил читать панихиду нынче, отпевать молодого рыцаря прямо сейчас. Ну а что тянуть. В кафедральном соборе епископ велел звонарю играть траурный звон. Рассвело едва-едва, а весь город уже знал о случившемся.

Не то что в церкви было людно – на площади перед кафедралом было не протолкнуться. Те, кого служки и стража не пускали в храм, все равно не уходили с площади. Вся городская знать сошлась в церкви. Была чета Кёршнеров и с ними старший сын, соблезновали кавалеру и семье фон Клаузевица. Но Волков знал, что пришли они сидеть в первом ряду на панихиде. От этого ему стало тошно, но... отказать он им не мог, и когда служки всех рассаживали, Волков сказал, что это его родственники. Кёршнеры посему сидели в первом ряду – с ним, с родственниками убиенного, с бургомистром, с членами совета города, с судьей и капитаном стражи.

Когда все было готово и гроб с телом рыцаря вынесли к кафедре, вышел епископ в своем лучшем облачении. Был он бледен и грустен, но читал ритуал без запинки, звонко, вел дело со знанием. Старик был еще хорош, никто не усомнился бы в его здравом уме в его немолодые годы.

Отчитав панихиду, отец Теодор взошел на кафедру.

– Прежде чем всякий пожелает попрощаться с невинно убиенным юношей, что даже не успел связать себя узами брака, хочу сказать вам, дети мои: пусть тот, кто виновен в смерти его, не надеется на прощение. Не отсидится он в тишине, не замолит сей тяжкий грех. И вина того, кто держал оружие, убившее этого молодого человека, меньше вины того, кто оплатил сие злодеяние. Да-да, дети мои, тот, кто платил, тот и есть истинный убийца. И по полной мере будет отпущено ему, ибо каждому воздастся за содеянное. Не в этом мире, так в мире ином, мире справедливом. Бойся, лукавый человек, не спрячешься ты от глаза Господнего, ответишь ты за смерть юноши славного и честного, ответишь так или иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.